

Какие наши годы

СТИХИ

12+

Сергей Бичуцкий

Сергей Марксович Бичуцкий

Какие наши годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51980701

SelfPub; 2021

Аннотация

Стихи о любви и дружбе, об отношении к Богу, Родине, судьбе и всему, что можно объединить под одним общим названием – жизнь.

Сергей Бичуцкий

Какие наши годы

Со мною что-то происходит.
Жизнь как река моя уходит.
Я протекаю вместе с ней
Средь гор, оврагов и полей.

И непонятные причины
Влекут в пустыни, и в долины,
И власть над миром суеты
Даётся счастьем пустоты.

И плачь детей, и смех сатира,
И песня неумной лиры,
И злобный лай клеветников,
И безупречность праздных слов.

И кто-то рвётся на трибуну,
Опять зовёт людей в коммуны,
Мол, сядем мы за общий стол,
И будем все, кто сир, кто гол.

А рядом в зале для банкетов

Посадят мрачного поэта

И растолкуют что к чему
Через побои и тюрьму.

И в этой жизни суетливой
Я проплываю сиротливо.
Где нечистоты, где вода,
Не угадаешь никогда.

Такая у меня планида.
Всегда какая-нибудь гнида
Ко мне прилепится тайком
И мной питается потом.

Пока я вдруг не обнаружу,
Что хвост один торчит наружу.
Лишь отдеру её, как тут-
Мой вечный друг – товарищ Брут.

Я жизни реку с вдохновеньем
Переплываю по течению.
Заплыв мой длится много лет,
А финиш там, где жизни нет.

Так странно всё перемешалось.

Со мною лишь душа осталась,
Но я признаюсь и она
В своих порывах не вольна.

И это всё зовётся миром.
Судьба злодейка правит пиром.
В каком я качестве на нём?
Я на столе? Иль за столом?

Она на всё глядит лукаво
И, доставая нож кровавый,
Мне издали ножом грозит,
Хотя сама во мне сидит.

Я одолжился у поэта
Строкой для первого куплета,
И сам тому теперь не рад,
Но не вернуть строку назад.

Неоправданная роскошь -
Покидать людей хороших.
Их опять потом искать,
Чтобы снова потерять.

Не оправданы метанья
И пустые оправданья.

Мы теряем часть души,
Если люди хороши.

Мы растрачиваем годы
В тщетных поисках свободы.
А кому она нужна,
Ядовитая княжна?

Мы её совсем не знаем.
Ценим то лишь, что теряем,
А потом опустошённо
Вспоминаем о законах,
Что вершат над бытиём
В беспристрастии своём.
И расплата как награда
Всю себя отдать бы рада.
Ну, а мы, как те щенки,
Ищем матери соски.
Мы ко лжи без сожаленья
Припадаем с наслажденьем.
И, забывшись, пьём отраву –
Подлость, жадность, злую славу,
И пленённые безумьем,
Забываем о разумном,
Тем же следуя путём,
В ослеплении своём.

Неоправданная роскошь –
Покидать людей хороших.
Нам и так дана щепотка –
Жизнь – река, душа и лодка.
С кем в той лодке мы плывём,
Так по сути и живём.

Бесполезные слова.
Бестолковые ответы.
Лишь пустая голова
Может знать на всё ответы.

Бесконечные долги.
Беспричинные раздоры.
Неуемные враги
И отчаянные споры.
Беспричинная вражда
Веет дух ожесточенья
И не ведаешь, что ждать,
Смерти или возрожденья.
Сыплет пылью суета
На надежды и желанья,
И рождает пустота
Пустотелые созданья.

Мысль разумная кричит,
Вопиет в силках дурмана.
Лень и та как будто спит,
Обнявшись с самообманом.

Безответная любовь
В тайниках души пылится,
И отравленная кровь
В жилах медленно струится.

Беспросветная нужда
Душит разум равнодушно,
И всё та же суета
Помогает ей послушно.

Полыхает над землёю
Пламя тлена и хаоса
Жизнь ничто уже не стоит
И на душу мало спроса.

Мы, закрыв глаза, несёмся
За икрой и колбасою,
И над золотом трясёмся
Как над вечною душою.

И прозрения не видно.

Что с Тобой? Проснись Всевышний!
Всё сейчас настолько стыдно
Под Твоей родною крышей.

Разбуди заблудший разум!
Отвори глаза безумным!
Чтобы взгляд стал снова ясным,
Ну, а ум был снова умным.

Заблудился мир людской!
Запутал в противоречьях!
И, злобясь во злобе злой,
Сам собой себя калечит!

Не трудно советчиком мудрым прослыть.
Трудней самому без ошибок прожить.

Разумеется, всё перемелется.
Ночь печальной тенью расстелится.
Летней нежной обнимет прохладой
И серенадой.

Разумеется, всё перемелется.
Жаль сейчас что-то как-то не клеится.
Что-то как-то не получается.
Так случается.

Разумеется, всё перемелется.
То душа моя вечная ленится,
И живёт в полусонном сознании
Воспоминанием.

Разумеется, всё перемелется.
Даже если ничто не изменится,
Мне во мраке сияют Плеяды,
Как лампы.

Разумеется, всё перемелется,
И душа, слов безумная пленница,
Вдруг проснётся. Скажу без лукавства
Ей: «Здравствуй!»

Голова, ты моя голова!
Ну, зачем ты опять неправа?
Почему же в конечном итоге
Оказались виновными ноги?

Время меня обнимает пространством,
А постоянство непостоянством.
Мысль в искривлённом пространстве меняется,
А, изменившись, другой возвращается.
Где и зачем всей вселенной Начало,

Предназначение жизни зачало?
Где в неизведанной полной тиши,
Кроется мать бессмертной души?
Кто заставляет планеты крутиться,
Жарким пожарищем звёзды светиться?
Вот в пустоте пролетают кометы,
Будто почтовые мчатся кареты.
Всё по часам! Никаких опозданий
Не допускает Творец мироздания.
Водят планеты свои хороводы,
Странствуя вечно во Млечном пути.
Где-то исчезнут они по дороге,
Им до конца никогда не дойти.
Их беспощадные чёрные дыры
Будто разбойники грозные ждут.
С этим они распрощаются миром
И в неизвестность навечно уйдут,
Но возродятся в другом состоянии –
Атомом? Пылью? Звездою? Бог весть!
Нам недоступны подобные знания
Ведь вариантов возможных не счесть.
В поисках мечется мысль постоянно.
Многое хочет познать и понять,
Сколь эта вечная жизнь многогранна,
Нам никогда не удастся узнать.
Кто-то сказал будто мы на вершине,

Будто главенствуем над бытиём.
Мы возгордились и в этой гордыне,
Словно ещё не родившись, живём.
Всё в этом мире предельно уместно,
Просто и безоговорочно честно
Всем и всему уготовано место,
Чтоб умереть и однажды воскреснуть.
Всё возникает и всё изменяется.
Там исчезает, а здесь появляется.
Безостановочно жизни движение –
Здесь – умирание, там – возрождение.
Вся эта высшая степень симфонии
Носит название вечной гармонии.

Работай ум!
Зудите руки!
Не дайте горечи и скуке
Главенствовать среди ваших дум!

Не Сократ и не Геракл, так что же?
Мало ль на Руси подобных нас?
Кто с себя живьём содрал бы кожу
В трудный для России час!

Ветер пляшет и смеётся
За решётчатым окном.

Он ко мне в темницу рвётся.
Улетим с тобой вдвоём.

В неизведанные страны,
В золотые города.
Там, где царствуют султаны,
Полетим с тобой туда!

Принесём с собой прохладу.
Тёплый дождик принесём.
И принцессе шоколадной
Тихо песенку споём.

Полетим, ну что томиться?
Там неправда не живёт.
Итаканская царица
Там ковёр прекрасный ткёт.

Волоокие девицы
Там танцуют до утра.
Полетим с тобой как птицы.
Ну, давай, нам в путь пора!

Я бы рад, с большим желаньем,
Но оковы не дают.
Да и стражники охраны

Днём и ночью стерегут

Эх, чудака! Большое дело.

Лишь земли коснётся ночь,

Оставляй охране тело,

И айда отсюда прочь!

Любимая моя, не надо плакать!

Твои уста, как абрикоса мякоть.

Твой стан, как амфора от мастеров Эллады,

Сосуд изящества, наполненный усладой.

А волосы, как золото пшеницы,

Что летним днём под солнцем колосится.

Твои глаза прекрасны и бездонны.

Глаза не женщины, святой Мадонны.

Любимая моя! Ты – совершенство.

И рядом быть с тобой – одно блаженство!

К чему тебе молвы зловердной слякоть?

Любимая моя! Не надо плакать!

Мой друг! В минуту несогласья

Прочти супруге.

Пусть замрёт от счастья.

Я в ночи утону,

Сном растаю.

И у неба в плену
Над землёй полетаю.
В старика превращусь,
Снова стану младенцем,
Иль в огне затрещу
Запылавшим поленцем.
Иль росинкою стану.
Сверкая на солнце,
Я стеку спозаранку
По родному оконцу.
Иль пройдуся ветром буйным
По горным вершинам.
Иль огнём теплоструйным
Запылаю в камине.
Или я обниму
Всю планету руками,
И засею родную
Благими делами.
Или... Нет! Всё не так!
Я в ночи утопая, прошепчу в чёрный мрак:
– Доброй ночи, родная!

Где ж нелепая случайность
Мы с тобою повстречались?
В тихом тёмном переулке,

Или в роще на прогулке?
Или ты со мной ходила.
Как слепца меня водила?
Или сети наплела,
И везде меня ждала?
Может ты моё начало?
Просто до сих пор молчала?
Иль родилась в одночасье,
Принеся с собой несчастье?
Иль как вечная нетленность
Ты моя закономерность?
Право! Я в недоуменьи!
Чьё ж ты всё-таки творенье?
Сил неведомых каких
Ты читаешь грозный стих?
Ах, нелепая случайность!
Ну, зачем мы повстречались?
Бытия закономерность.
Жизни вечная нетленность.

Высокие чувства не любим!
Высокие любим слова.
И каемся реже, чем судим,
А плачем, что жизнь не права.

Когда могла бы так легко
Душа болеть, как страждет тело,
То прошлое давным-давно
В небытие бы отлетело,
И кончился бы мир!

И не спится, и не пишется.
Зов душевный опечаленный
Что-то никому не слышится.
Может я не прав отчаянно?

Может я Тантал и Кронион?
И сужу, и стражду горестно?
В чём же ты моя гармония?
Может я не прав бессовестно?

Может я как тень бегущая
Жизнь в зените лишь почувствую?
В чём ты мысль меня зовущая
Я живу, иль я присутствую?

Изувеченная вечная
В чём ты смысла суть и истины?
Ах ты жизнь бесчеловечная!
Может я не прав единственный?

Всё во мне переиначено
С пребессовестной беспечностью.
Так на что же жизнь потрачена?
В чём же я не прав, Отечество?

Белоснежные туманы.
Серо-красная война.
И стихи, и ураганы,
И Господь, и сатана.

Златокудрые равнины.
Белопенные снега.
Незапятнанное имя
И огромные рога.

Измощённые печалью
И затоптанные в грязь,
Светлой радости начала
Улыбаемся светясь.

Кто смеётся, а кто плачет,
Кто, рыдая, песнь поёт,
Кто считает – что-то значит.
Кто считает – будто скот.

Кто-то сладко краснобает.

Кто-то правду говорит.
Кто-то сам себя не знает.
Кто-то вечно в корень зрит.

Кто-то, пользуясь грехами,
Сам себе построил храм.
Кто-то – Авель, кто-то – Каин.
Кто-то – воин, кто-то – хам.

Кто-то без умолку лает.
Кто-то без просыпу спит.
Кто-то ямы всем копает.
Кто-то в ямах тех сидит.

У кого грехов без счёта.
Кто-то отпускает их.
Для кого-то жизнь – охота
На приверженцев своих.

Кто-то руки простирает,
Мир собой готов обнять.
Кто-то просто навоняет.
Лишь бы просто навонять.

Всё слилось в переплетении
Судеб, нравов и сердец.

Кто-то туп, а кто-то гений.
Кто-то – царь, а кто-то – льстец.

Слабо видно. Как в тумане.
Всё закрыла жизни ложь.
Иногда мы точно камень,
А порой мы просто вошь.

Такова планета наша.
Такова моя страна,
Напилась, поёт и пляшет,
Хотя каяться должна.

Вечером мать, ты сидишь у окна
Так же одна и всё так же бледна.
Где же твой сын, маленький сын,
Твой маленький, маленький сын.

Что же его издалека
Не принесла жизни река?

Что же о нём ветер молчит,
Сердце твоё скорбью точит?

Что он понять в жизни хотел?
Суть бытия? Бога удел?

Или понять синь синевы?
Иль разгадать нрав сатаны?

Был ли с людьми ласков и мил?
Может нарыл сотни могил?
Может душой совести стал?
Детям – пример, взрослым – устав.

Может рукой злобной убит?
В землю зарыт. Всеми забыт.

Вечером мать ты сидишь у окна
В небе печальная светит луна.
Вместе с тобой плачет она.
Где же твой сын, маленький сын,
Твой маленький, маленький сын?

Не отталкивай руки судьба,
Что тебя обнимают устало.
Я в твоих анонимных устах
Часто вижу змеиное жало.

Я в безжалостном взоре твоём
Часто вижу своё отраженье.
Может мы отгадаем вдвоём

Божье я или ада творенье?

Не шипи надо мною, злобясь.

Я советов твоих опасуюсь.

И хоть жизнью моей становясь,

Знай, я каюсь! Я каюсь! Я каюсь!

Не топчи надо мною опять.

Иль душа бесовское игрище?

Как давно я устал угасать.

Видно был я рождён пепелищем.

Пылилась правда у дороги,

А мимо проезжала ложь,

И бросила ей прямо в ноги

Подачку – старый медный грош.

А правда, платье всё в заплатах,

Подачку эту подняла:

– Из меди не родится золото! –

Сказала это и пошла.

Постой сестра! Постой родная! –

Глумливо закричала ложь. –

Я, право же, не понимаю,

Зачем Великой Правде грош?

Иль ты настолько оскудела, что подаяния берёшь?

Правда:

А ты совсем не поумнела,
Хотя и в роскоши живёшь.

Так знай же, что меня частица ценней,
Чем вся на свете ложь.

Ложь:

Не знаю я, чем здесь гордится.

Ну, посмотри, как ты живёшь.

Но, если только приукрасить

Твои суровые черты,

То, как сказал какой-то классик,

Ты будешь, в общем-то, не ты.

И, если станешь ты пригожа,

То всякий скажет: «Ты похожа

На ложь!» И что тут притворятся,

Сама себя начнёшь стесняться.

Иль скажешь, что я не права?

Правда:

Одни слова! Одни слова! –

Сурово правда говорила. –

Какая есть, такая есть!

И ни к чему мне вовсе лесть,

Коль даже голая я – сила!

И ты не можешь не признаться,

Что стоит мне лишь показаться,

Бежишь, куда глядят глаза.
Великий классик так сказал.
И где тогда твои румяна?
Где красота твоих очей,
Коль знаешь, поздно или рано
Ты станешь призраком ночей?
Ложь:
Слов нет! Порой бывает трудно
Мне одолеть тебя в борьбе,
Но ты всегда настолько скудна,
Когда живёшь сама в себе.
А как по миру распылишься,
Что не найти и днём с огнём,
Или в раздумьи затаишься,
Тогда-то всё мне нипочём.
Тогда я властвую над миром,
Слепец и зряч идут за мной,
Как крысы следуют толпой
За флейтой мальчика факира.
О, вот тогда я на вершине
Блаженства, что придумал свет.
Тогда мне кажется в помине
Тебя и не было, и нет.
И я – единственное право
Царю над миром бытия.
Мне – почести одной! Мне – слава!

Тебя ведь нет! Есть только я!
И чтобы в мире не случилось,
Одно прекрасно знаю я –
С тобою я на свет родилась!
С тобой и упокоюсь я!
Правда:
Какая детская наивность!
Какие скромные мечты!
Да ты никак сама невинность?
На что рассчитываешь ты?
Тебя ведь нет! Ты просто фетиш!
Ты существуешь лишь в умах.
В природе ведь тебя не встретишь.
Ты даже, в общем-то, не прах.
Ты порождение желаний,
Терзающих растленный ум.
Ты – мать самооправданий,
Сестра порока, ты – самум
Для человеческого счастья.

Лишь где появится росток
Ты тут как тут. С тобой несчастий
Несётся грязевой поток.
Ты всё сотрёшь в одно мгновенье.
Раздавишь, грязью обольёшь,
И с превеликим наслаждением

Свои же нечистоты пьёшь.
О! Если б только люди знали,
Что ты одна причина бед,
Которые они познали,
То дали бы они обет
Тебя изгнать из жизни этой!
Забуть тебя! Не вспоминать!
И по заклетию поэта
Ни в чём и никогда не лгать!

Никто мне писем не напишет!
И просто так не позвонит!
Как будто бы никто не слышит,
О чём душа моя болит.

Как огонёк под ливнем, ночью
Она во тьме свечой горит
А чей-то злобный глас хохочет,
И потушить её грозит.

Гремит, ревёт, не умолкая,
Вопит об аде и огне,
И я признаюсь, что страдаю,
Слаб человек и страшно мне.

Страдаю от воспоминанья,

От праздных и ненужных слов,
От малодушья непризнанья
Мною содеянных грехов

От дел пустых и суетливых,
От самомнения и лжи,
От взглядов мерзко похотливых
Душа безудержно дрожит

И вот в мучениях однажды
Раздался еле слышный зов.
И понял я, что это – важно,
Важнее всех на свете слов.

Увы, но смысл не разбираю.
Без меры напрягая слух,
Понять слова успеть пытаюсь,
Пока огонь мой не потух.

От напряжения стеная,
Собрал все силы я и тут
Услышал, будто глашатаи
На Пир желающих зовут.

Зовут, имён не разбирая,
Всем приглашения дают,

Но я смущён, не понимая,
Зачем их всех подряд зовут.

А зов всё громче раздаётся,
Набатом наполняя мир.
Придите все, кто отзовется
Придите все на Брачный Пир!

Увы, желающих немного.
Хоть радость пира и светла.
У каждого своя дорога,
У каждого свои дела.

И нет им дела до призыва,
Свои дела куда важней
И сладости мирского пира
Духовной радости милей.

А я, не долго рассуждая,
Стремлюсь на этот Пир попасть.
Но очень-очень опасуюсь
В пути, не выдержав, упасть.

Кто я без Божьей помощи?
Нечто ничто дурно смердящее,
Гноище горящейся немощи,

Глупое, наглое, ненастоящее.

Сборище мышц и костей,
С рожденья пропитанных ложью,
Чрево зловредных страстей.
Бредущее по бездорожью!

Что я без помощи Бога?
Слепое, глухое и бесполезное,
И любая в жизни дорога -
Путь бесконечный по лезвию.

Все известные миру страдания,
От рожденья до смерти порога,
Будут мне и другим назиданием,
Кто мы без помощи Бога!

Вчера мне встретила мечта,
Скривился я: «Опять не та!!!
– Ну, знаешь! – крикнула она
Негодованием полна.
– Скорее всё наоборот!
Не я не та, а ты – не тот!

Снег с утра слепит глаза.

На ресницах тает.
Средь позорища и зла.
Сердце умирает.

Средь позорища и зла
Среди пепелища
Сердце, бросив все дела,
Плача, Бога ищет.

И помощница душа
Капелька живая
От страданья чуть дыша,
О любви мечтает

Бродит странница душа
В поисках ответа
И от холода дрожа
Ищет лучик света

И, пожертвовав собой,
Затеplit лампаду.
Лучик света золотой
Будет ей в награду.

Раз задумал испытать
Против ветра поплевать.

Поплевал чуть-чуть, и что же?
Все мои плевки на роже!

Не поверил и опять

Стал отчаянно плевать.
Я теперь натренированный
С головы до ног оплёванный.

Чтоб в мире с жизнью оставаться,
Чтоб обрести в душе покой,
Не стоит на других ссылаться!
Поладь сперва с самим собой

Переезды, перелёты,
Поезда и самолёты,
Чемоданы, суета,
Направлений пестрота.
Дети, мамы, папы, внуки,
Одуревшие от скуки,
Все вокруг спешат куда-то,
Не взирая на затраты
И любое время года -
Тренд такой! Такая мода!
Этот новый механизм

Называется туризм!
Головою заболели.
На Бали иль в Куршевели
Путешествовать зовут.
Одолел всемирный зуд.
Все спешат, и мы спешим!
Денег нет? Возьмём кредиты.
Из зарплаты отдадим!
Отдадим и будем квиты!
Пусть потом не доедим,
Но исполнится мечта!
Не отстанем от элиты!
А иначе жизнь не та!
Зазывает нас реклама
Неустанно и упрямо:
Как не стыдно? Ай-я-яй!
Не хотите съездить в рай?
Призадумались с женой:
«Что же мы одни с тобой
Как изгои будем жить?»
Перестали есть и пить,
Стали денежки копить.
«Хоть на эти десять дней
Будет всё, как у людей!
Ну, а как же жить потом?
Да гори оно огнём!

Это вечное потом.
Жизнь мелькнёт и не заметим,
Что на кладбище наш дом.
А потом до самой смерти
Будем горько вспоминать,
Что, как куры на насесте,
На одном прожили месте.
Что за жизнь? Подумай мать!
Дети вроде бы при деле.
Что же мы на самом деле?»
«Хватит, Вась! Не мельтеши!
Здесь хоть пой, а хоть пляши!
Если б можно было знать,
Когда будем умирать,
Было б легче нам решать,
Что мы можем предпринять!
Знаешь ведь, что пандемия!
Не хочу я рисковать!»-
Говорит угрюмо мать.
«Да, болезнь, конечно, минус!
Все вопят: «Коронавирус!»
Ну, а нам-то что за дело?
Знаешь, Катя, надоело!
Нешто мы с тобою оба
Испугаемся микроба?
Не таковского видали,

Чтоб нас этим напугали!
Кто же знает, что нас ждёт?
Что бояться наперёд?
Может мимо всё пройдёт,
А путёвка пропадёт!
Мы же русские небось!
Может пронесёт, авось?
Знаешь! Здесь, как ни крути,
С властью нам не по пути.
Сколько нас уже дурили?
Обещали и забыли!
Им бы лишь бы говорить,
Ну, а нам-то надо жить!
Мой несчастный организм
До сих пор ждёт коммунизм!
Да и деньги кто вернёт?
Вот такой вот поворот!
Столько лет с тобой мечтали,
Дни блаженные настали...»
«Хватит, Вася, перестань!
Здесь, конечно, не Ухань,
Но нельзя ж так поступать! -
Возразила мужу мать.
Это – Родина твоя!
Здесь живёт твоя семья.
Неужели непонятно,

Что случится, коль обратно
Возвратившись, мы вдвоём
В дом заразу привезём?
Ладно сами! Пусть помрём!
Ну, а внуки? Ну, а дети?
А соседи? А друзья?
Как они нас, Вася, встретят?
Нет! Так поступать нельзя!
И на деньги наплевать!
Не хочу я за бумажки
Свою совесть предавать!
Не дадим себе поблажки,
Да и детям не дадим,
Потому что только вместе
Мы заразу победим!».

Посоветуй мне, мама!
Помнишь, как я упрямо
С детства, не полетам,
Повторял неустанно:
Я всё знаю! Я -сам!

Так и жизнь проходила.
Ты за мною ходила
Всё пытаясь сказать,
Ну, послушайся мать!

Ну, а я горделиво,
А порой и гневливо
Всё твердил: «Хватит мам!
Ты же знаешь, я -сам!»

А когда в одночасье
Приходили несчастья.
Не хотел я признать,
Что не слушался мать.

А теперь вспоминая
Твои слёзы и грусть,
«Посоветуй мне, мама!»-
Запоздало молюсь.

Прощай, любимая моя!
Сегодня будет день печали,
Хоть мы его совсем не ждали,
Прощай, любимая моя!

И знай, любимая моя
Ещё я даже не родился,
Когда в тебя уже влюбился.
Ты знай любимая моя.

Не плачь, любимая моя!
Слезами горю не поможешь!
И знаешь, если только сможешь,
Не плачь, любимая моя!

Пойми, любимая моя!
Не суть, что жизнь так быстротечна,
Любовь как вечность бесконечна.
Пойми, любимая моя.

Прости, любимая моя!
Не оправдал твои надежды!
Разлуки в жизни неизбежны!
Прости, любимая моя.

Тебя, любимая моя
Я буду ждать в стране истоков,
Где нет ни горя, ни пороков.
Я жду, любимая моя!

Мысли гроздьями виноградными
Спеют где-то в прекрасном саду.
Время наступит когда-нибудь страдное.
Я этот сад непременно найду.

Я подберу к нему ключ-вдохновение
Дверь отворю, если мне суждено.
Надо лишь только набраться терпения
Не растерять, что мне Богом дано

Тихо войду, если буду достоин,
Молча колени свои преклоню.
Косточку в тёплую землю зарюю,
И покаяньм сердечным полью.

Может тогда мне откроются тайны?
С глаз, наконец-то, спадёт пелена?
Смыслы найду всех явлений сакральных,
И для чего эта жизнь нам дана.

Может пойму, почему изначально
Реки текут словно слёзы земли,
Небо дождливое плачет печально,
Зори стыдливо краснеют вдали.

А убежав от страстей и пороков,
Точно уверен, что в этой тиши
Голос Апостолов, голос Пророков
В сердце моём прогремит: «Не греши!»

«И это пройдёт!» – говорил Соломон.

И брызгами смеха расплещется радость.
И горе уйдёт, и закончится старость -
Исчезнет навечно в разломе времён.

И мудрость при встрече мне руку протянет,
Коснётся моих непослушных волос,
И в душу мою, улыбаясь, заглянет,
И скажет: «Прости! Ты ещё не дорос!»

Ну, что ж здесь поделать? – ей горько отвечу.
Я очень старался, попыток не счесть!
Спасибо за эту короткую встречу!
Спасибо за то, что ты всё-таки есть!

Не устаю повторять это снова и снова
Слово – всему голова и основа.
Слово завистника или невежды –
Слово-убийца любви и надежды!
Слово преступное или лукавое
Часто приводит к поступкам кровавым.
Слово неверное или пустое
Может хорошее дело расстроить.
Слово бывает стрелою разящей
Или защитой, беду отводящей.
Слово врачует болящие души.
Может создать, но и может разрушить.

Ядом кому-то послужит коварным,
Ну, а кому-то лучом светозарным.
Слово – извечный духовной строитель,
Утяжелитель и облегчитель.
Мудрый учитель и хитрый растлитель
Планов родитель и дел повелитель.
Не устаю повторять это снова и снова
Слово всему голова и основа.

Помните Бога библейский завет:
«За каждое слово дадите ответ!»
За каждое слово, за ложь и за мат,
Ждёт приговор и мучительный ад.
Если не знаешь, что надо сказать,
Лучше молчать, чем бездумно болтать.

Грязными серо-тяжёлыми тучами
До горизонта забит небосвод.
Снег зарядил над лесами дремучими
И до сих пор всё идёт и идёт.

Валит на горы, поля и на веси,
И нескончаемо падает вниз.
Жаль повелитель его неизвестен.
Чей исполняется сверху каприз?

Кто-то, наверно, разлётся на тучах,

Лузгает льдинки на самом верху.
Кто-то огромный и очень могучий
Сыплет на землю от них шелуху.

Дворник усталый, простудно осипши,
Бросил беззлобно с лопатой в руках:
– Что ж ты всё сыпешь и сыпешь, и сыпешь?
Хоть бы чуть-чуть пожалел старика!

Жалобу скорбную кто-то услышал.
В миг с небосвода убрал облака.
Солнышко красное на небо вышло,
И зажурчала под снегом река.

Ты не сердчай на меня за доuku –
Молвил старик, – но, спасибо за честь!
Стыдно! Прости! Не поверил я внуку,
Что дворники добрые на небе есть.

Я сражался всю жизнь сам с собою,
Не жалея здоровья и сил.
Бился я и со злом, и с любовью,
И не знаю, кого победил.

Я на кладбище бываю редко.
Некого из близких посещать,

А своих давно усопших предков
Лучше при молитве помянуть.

Там надгробья будто бы страницы.
Записи, которых не стереть.
И кресты, как неземные птицы,
Что никак не могут улететь.

На граните сверху фотографии
Почему-то чаще молодых.
А внизу бывают эпитафии -
Изречение иль прощальный стих.

Но у большинства всё очень кратко -
Пробыл здесь от сих до сих.
Прибыл с криком, а ушёл украдкой,
Не сказал, зачем здесь был, и стих.

Что б там мудрецы ни говорили,
Мол, идём мы всяк своим путём,
Сколько б по дороге не юлили,
Все когда-нибудь сюда придём!

Какие наши годы
В небытие ушедшие,
Сквозь беды и невзгоды

До седины дошедшие?

Какие наши ноги?

Кривые и дрожащие!

А впереди дороги

Всё так же предстоящие.

Какие наши руки

И ложку не держащие?

Такие руки-крюки

Не нам принадлежащие.

Какие наши уши?

Глухие и шумящие,

Забывшие, как слышать,

В мозгах сверчком свербящие.

Какие наши очи,

Сквозь пелену смотрящие

Порой что днём, что ночью

С бессонницею бдящие?

Какие наши будни?

Опять возьмём свой крест

Вздыхнём и, будь что будет,

Попрём на «эверест».

Такие уж мы люди!
Нам годы нипочём!
О старости забудем,
И мы туда дойдём!

По планете бродят слухи
Ловят слухи лопоухих.
Не зайчишек и крольчат,
А мальчишек и девчат.
Не обходят и родителей
В общем, всех распространителей.
Среди это кутерьмы
Попадаемся и мы,
И своим всеядным ухом
Не нарадуемся слухам.
А потом мы их мусолим:
Жарим, парим, варим, солим,
И для сочности отравы
Добавляем, как приправы,
Интересные моменты,
Всяк свои ингредиенты,
Распалившимся умом.
Особливо перед сном.
Ну, а дальше, по секрету,
Мы расскажем новость эту,

Чтобы поддержать беседу,
Наилучшему соседу.
Иль соседке. Всё едино.
Вот примерная картина.
А потом на этот слух
Налетают сотни мух,
Разлетаются по свету,
Разнося заразу эту,
И волнуется народ!
Кто ему закроет рот?
«Как же так? А где мы были?
Как мы это пропустили?
А куда смотрели власти?
Кто спасёт нас от напасти?»
И, как водится, враньё
Поддержало «вороньё»:
«Всё у нас вокруг плохое,
И такое, и сякое!
Все у нас вокруг плохие,
И такие, и сякие!»
И покуда разбирались,
Все вокруг переругались!
Но причин не доискались,
От чего пошёл сыр-бор,
И возникнул жаркий спор.
Человечество смутилось,

Когда правда вдруг открылась.
Оказалось, что девчонка,
Ну, а может быть мальчонка
Где-то пукнул невзначай.
Рядом дамочка сидела.
Ясно дело, не стерпела,
Подняла вселенский хай,
И посыпались примеры:
«Воспитанье! Атмосфера!
Всё враньё, и всё химера!»
Толком, в общем, не понять,
Кого надо обвинять,
Но о том, что очень надо,
Стали вдруг писать доклады,
И дошёл всеобщий звон,
Наконец-то, до ООН.
Заседание собрали!
Делегаты выступали!
Резолюцию приняли!
В общем, кое-как замяли.
Можно было б посмеяться,
Особливо перед сном,
Но не надо притворяться.
И не стоит удивляться!
Это будет повторяться
Час за часом, день за днём.

Если будем также глухи
И беспечно лопоухи,
То тогда все эти слухи
Переселятся в наш дом.
А тогда уж непременно,
Ну, а может несомненно,
Мы прекрасно заживём!

Эпилог

Товарищи родители!
Давайте будем бдительны!
И помните, что слухам
Не стоит доверять.
Иначе эти слухи
Подобно вредным мухам
Всегда и беспричинно
Вам будут докучать!

Я слышал будто против правил
Тебя в беде твой друг оставил,
А недруг против тех же правил
Тогда плечо своё подставил.

Я слышал, что твоя жена,
Тебе частенько неверна.
А ты, поскольку это знаешь,
Ей тем же самым отвечаешь.

Я слышал будто твои дети
Попали к наркоманам в сети,
И, чтоб их вызволить оттуда,
Ты ждёшь, когда случится чудо.

Как миг года твои проходят,
Но чудеса не происходят,
А жизнь становится всё хуже,
И вот ты никому не нужен.

Для всех становишься обузой,
Балластом, просто лишним грузом
Для государства, для родных,
И разных прочих и иных.

Понятно! Кто такому рад?
Ты ищешь, кто же виноват,
Виновны все – и стар, и млад,
Но жизнь-то не вернуть назад.

Ты всех вокруг винишь в несчастьях:
Друзей, жену, детей и власти
Во всех невзгодах и напастях.
Себя? Ну, если лишь отчасти.

Могу понять твою печаль.
Поверь! Но будет очень жаль,
Коли доживши до седин,
Сам не поймёшь, что виноват один.

Кому-то в этом мире тесно.
Кому-то просто интересно,
А тем, кто ничего не знает,
О тех, кто жизнью управляет,
Хочу немного рассказать.
Ведь каждый это должен знать:
Вот солнцеликий Си Цзиньпин
На весь Китай такой один.
В бараний рог народ скрутил,
Коронавирус победил.
Вот всем известный Дональд Трамп
Самовлюблённый старый франт.
Но нам не стоит забывать,
Ему на всех, на всё плевать.
На всяк вопрос найдёт ответы
Он думает, что президент планеты.
Вот жёсткий президент Дутерте
Верх доброты, уж вы поверьте,
В его стране наркодельцы
По сути дела – мертвецы.
Вот душка молодой Макрон

Уселся на французский трон.
Пришлось! Хоть ноша нелегка,
Послушный Ротшильдов слуга.
А вот старушка фрау Меркель,
Царица по немецким меркам,
В страну пустила эмигрантов,
Раздала каждому по гранту,
И стал трудящийся народ
Кормить весь этот наглый сброд.
Вот англичанин Борис Джонсон
Врагов России вечных спонсор.
И сам не прочь порой соврать,
Лишь бы Россию оболгать.
Борьбою с нами озабочен
Потомок русских, между прочим.
Но впереди, конечно, Дуда –
Король вралей и лизоблюдов,
Чтоб Штатам только угодить,
Готов и сам начать блудить.
Премьер-министр Нетаньяху
По палестинцам бьёт с размаху,
А так..., о чём здесь разговор?
Не пойман, значит и не вор.
Вот Александр Лукашенко.
Если размыслить хорошенько,
На всё он кажется мастак-

Не друг, не враг, а просто так!
Неправ, кто верит, что хитрец –
Одно и то же, что мудрец!
А вот и президент Зеленский.
Увы, но он – позор вселенский.
Пустопорожный говорильщик,
И ридной краины могильщик.
А вот и наш Владимир Путин.
Всегда хотел дойти до сути.
И если всё-таки дошёл,
Молчит о том, что там нашёл.
Людей таких на свете много.
Судить их вряд ли стоит строго.
Зачем кого-то обвинять?
Ведь мы не можем точно знать
Всех обстоятельств их решений.
Сколько людей, столько и мнений.
Давайте, по Заветам жить!
Без нас их есть Кому судить!
Вопрос, который не даёт покоя:
Что наша жизнь на деле стоит?
И кто мне скажет, не тая,
На ком же держится Земля?
На них, или таких, как я?

Не думал я, что всё так скоро.

Что всё так быстро, я не верил.
Как в темноте по коридору,
Прошёл, и вот стою у двери.
Стою без страха. Ожидаю,
Когда наступит час открыть,
И в ожиданьи вспоминаю,
О чём хотелось бы забыть.
Нет никакого принужденья,
Стремленья тоже, в общем, нет,
Но память, словно наважденье,
Включает-выключает свет.
Порою яркие картины.
Порой один лишь силуэт.
Не знаю, по каким причинам
Какой рождается сюжет,
Но помню хорошо начало:
Всё было очень чисто, ярко.
Любовь меня в руках качала,
И жизнь была сплошным подарком.
Я рос, учился и мужал,
Вдруг возомнил, что всё узнал.
И, ослеплённый самомненьем,
Терзал родителей терпенье.
Но всё закончилось потом,
Когда покинул отчий дом,
Когда сказал отцу: «Я сам

На всё себе ответы дам!».

Всё в миг куда-то испарилось –
Беспечность, радость бытия.
Как будто в пропасть провалились,
И вот один остался я.

Я будто погрузился в лужу,
И понял – никому не нужен.
Никто мне локоть не подставил,
Подсказкой верной не наставил.

А в дом родимый возвратиться,
И слёзно в ноги поклониться
Никак гордыня не давала,
Всех наших бед земных начало.

Так начались мои скитанья
Пороков жизненных познание.
Признаюсь – это обучение
Убило напрочь самомнение,

А Богом данные таланты,
Поскольку не был я педантом,
В земле немедленно зарыл,
А где зарыл, совсем забыл.

И стал я перекатной голью
Сам для себя душевной болью.
Без целей, радужных надежд,
Без дома, пищи и одежд.

Ну, что ж... По-разному бывало.

Мне многого недоставало,
А жизнь безжалостно терзала
Мои духовные начала.
Её лукавые уроки
Рождали множество пороков.
Причина в чём? Тогда не знал.
Унынье водкой заливал,
И в алкогольном опьянении
Опять рождалось самомнение:
«О, я! О, я!! О, я!!! О, я!!!!»,
Хотя на деле был свинья.
Я вспоминаю, как страдал –
От глаза даже умирал.
Пытались дважды погубить!
Нет! Не нагадить, а убить!
Никто тогда мне не помог!
Один лишь Бог! И только Бог!
Блудил, грешил напропалую,
Вёл жизнь разгульную такую,
Что на три жизни нагрешил,
Пока Господь не вразумил.
Пока я вдруг осознал,
Что всё! Тупик! Пришёл финал!
Что, если не остановлюсь,
То окончательно свалюсь,
И силы уж не будет встать,

Я начал чётко понимать.
Внутри будто забрезжил свет.
Так, как рождается рассвет
После глубокой тёмной ночи.
Прозрели вдруг слепые очи,
И обрела душа покой
За монастырскою стеной.
О, Боже мой! Какое счастье!
Как ветром унесло ненастье,
Когда я начал понимать,
Что, если хочешь получать,
То прежде надо отдавать,
И тем, что есть, пребудь доволен,
Здоров ты или очень болен,
Бедняк последний иль богат,
Ты должен оставаться рад.
И не страшись ужасной доли.
Ничто противно Божьей воли
С тобой не может приключиться.
Ты с этим должен примириться!
Сломав гордыню, наконец
Молить в слезах: «Прости ОТЕЦ!»,
И сколько дальше будешь жить,
За всё ЕГО благодарить!

Добродушная улыбка

Ты меня не покидай!
И как ласковая скрипка.
Всех девчонок зазывай.

Мне мамаша говорила
Закрой дырку идиёт,
А не то любая муха
Там оставит свой помёт.

Ох, права была мамаша
Ох, как ты была права
Почему ж я не послушал
Твои мудрые слова?

Говорила мене Мила
Улыбайся до конца.
Подмигнула мне игриво.
Подарила первенца.

Я мамашу не послушал,
Улыбаться я люблю,
И теперь плачу послушно
Алименты по рублю.

Денег нет, но не жалею
Столько деток у меня

За меня всегда болеет
Очень дружная семья.

Мне очень жаль, но так бывает,
И до сих пор в душе саднит.
А память, мыслями играя,
В былое прошлое манит.

Мне жаль безоблачного детства.
Туда я больше не вернусь.
Твоё девчоночье кокетство.
Твою заплаканную грусть.

Не знаю, чтоб со мною случилось,
Гадаю я зачем-то вновь,
Что было б, если не рассталась
Со мною первая любовь.

Но что случилось, то случилось
Жизнь утекает, как вода.
Лишь на секунду отлучился,
Она пропала навсегда.

И память вечною доукой
Терзают прошлого грехи,
А детства сладостные муки

Рождают новые стихи.

Задай вопрос, «Жеминь Жибао»!

Спроси их, по какому праву

Заокеанская держава

Бесстыдно нагло и лукаво

Твою страну в беде винит,

И наказанием грозит!

На что рассчитывают янки?

На ЦРУ, на ФРС, на танки?

На то, что ты совсем ребёнок,

Не выбравшийся из пелёнок,

А провинившийся народ,

Будто набравши воду в рот,

Будет безропотно молчать

И наказанья ожидать?

Или на внутренних агентов,

За 33 несчастных цента

Готовых свой народ предать,

Свою семью, отца и мать?

На все их наглые наветы?

Спроси: «В чём виноват Китай?»),

И дай сама на всё ответы!

Сама на всё ответы дай!

Ведь в США давно забыли,

Что значит правду говорить.

Всегда во всём других винили,
И вновь желают обвинить.
И, если молча наблюдать,
Как они дальше будут лгать,
То скажут: «Вот! Они молчат!
А кто молчит, тот виноват!».
Не жди, когда исчадьё зла
Свершит бесчестные дела.

Не дрогнет пламенное сердце
От мук грозящих иноверцев!
Не задрожит от страха взгляд!
Не повернёт стопы назад!

И как они б не изощрялись,
Над тленным телом издеваясь,
Даже пред смертью чуть дыша,
Не дрогнет верная душа!

И не предаст на поруганье,
Не содрогнётся пред страданьем,
Что враг пошлёт без всякой меры,
И не откажется от веры.

И даже если тело ног лишит,
Ничто её не устрашит!

И без остатка выпьет кровь
Всё нипочём! Ведь с ней Любовь!

На волю Божью уповая,
Христа в себе оберегая,
Не пряча от угроз лица,
Она пойдёт с Ним до конца!

Исчезают поколения
За горами, за долами,
И вперёд несётся время
Семимильными шагами.

А за ним плетётся память:
«Эй! Потомки! Не забудьте!».
Машет старыми делами:
«Поучитесь! Лучше будьте!»

Да, куда там! «Сами знаем,
Что, зачем и почему!
Всё прекрасно понимаем!
Нам уроки ни к чему!»

Ну, а что когда-то было...
Всё ковылью поросло.
Всё давным-давно уплыло,

Всё давным-давно прошло.»

И среди этих поколений,
Как мыслишка между строк,
Обязательно есть «гений»,
Прорицатель и пророк.

Он порой такое скажет,
Что навряд ли сам поймёт,
За собой идти обяжет
Одурманенный народ.

И найдутся глашатаи:
«Мы идём «туда-сюда!»»,
И порядок расшатают,
И опять придёт беда.

Возведут себе кумира:
«Всё с кумиром нипочём!
Пусть разрушим мы полмира,
Но построим новый дом!»

И вопит змей-искуситель,
Недовольных повелитель:
«Чтобы в битве победить
Надо память истребить!

Надо, чтобы все забыли,
Кем отцы и деды были,
Что от предков переняли,
И нам помнить завещали.

И чем более нелепа
Будет новая мораль,
Тем быстрее разрушит скрепы!
Жертв здесь никаких не жаль!

Задаюсь всегда вопросом:
Чем же старый дом не гожд?
Почему так много спроса
На бесхитростную ложь?
Почему любой обман,
Ум туманит, как дурман?

Где наши глаза и уши?
Где наш разум, наконец?
Как найти дорогу лучше,
Разве может знать слепец?

Ну, а мы ли не слепцы,
Коль, не выучив уроки,
Что задали нам отцы,

Вечно лезем в эти склоки?

Что всегда нам не хватало?

Что сейчас не достаёт?

Иль уроков было мало,

Не понять, что дальше ждёт?

Не понять, что эта клика

Нас, как жертвенных ягнят,

Соберёт толпой безликой

И гуртом погонит в ад?

А когда было иначе?

Вспоминайте! Ну! Когда?

Только после драки плачем,

А до драки – никогда.

А до драки мы – герои,

Все кричим: «Да, мы! Да, я!»

И безумно ямы роем.

Ямы для самих себя.

А когда придёт затишье,

И спокойно можно жить,

Только станем лучше, чище,

Как опять давай дурить!

Почему так происходит?
Кто так нами верховодит,
Что не видно перемен?
Что за странный вечный плен?

Потому что в каждом «изме»
(Пусть за правду не простят):
Рабо-фео-коммунизме,
Больше всех в либерализме
Уши дьявола торчат!

Ну, а мы не замечаем,
Вечно на отцов пеняем,
И бахвалимся, мол, мы-то,
Не заплатим это мыто!

Что за глупости, ребята?
Мы – такие же ягнята!
И, как повелось когда-то,
Наши души – наша плата!

Слышите? Печальным звоном
Вновь звонят колокола
По крушителям законов,
Средь которых вы и я!

В шелка одетая старуха.
Все пальцы в кольцах и перстнях.
Почти без зрения и слуха,
Тоскует о прошедших днях.

И хоть давно не видит света,
Она уж много лет подряд,
Следит за собственной диетой,
Надеясь всё вернуть назад.

Довольно странные надежды
Какого-то дурного сна.
Кому нужны её одежды?
Кому она сама нужна?

Сухое согбенное тело,
Лицо в морщинах, впалый рот
Воображение умело
Рисует всё наоборот.

Живёт в своих воспоминаньях.
Как будто кто-то где-то ждёт,
А там и пылкие признанья,
Восторг, поклонники, почёт.

И мимолётная улыбка
Откроет вдруг беззубый рот.
Восторгов сладкие ошибки
Превыше жизненных невзгод.

Увы, но нет детей и внуков.
И не беда, что дом пустой
Голодной и облезшей сукой
Скулит звенящей пустотой.

Привыкла! Что уж тут лукавить?
Теперь всегда она одна,
И одиночество разбавить
Способен лишь бокал вина.

А что грустить? Ведь каждый знает,
Когда надежда умирает.
Не может быть не прав народ!
Последней! А, когда растает,
«Надежда!» – кто-то позовёт.

За час до смерти где-то рядом
Совсем один старик лежал,
И в потолок упёршись взглядом,
О чём-то тяжело горевал.

Слеза непрошено скатилась,
А он слезе как будто рад,
Лицо вдруг счастьем осветилось,
Но тут же начал гаснуть взгляд.

И, чтобы выразить словами
О ком всю жизнь свою мечтал,
Впервые, еле шевеля губами,
«Надежда!» – тихо прошептал.

Горе горькое бредёт незабытое,
Непричёсанное и неумытое.

На беде людской как свин разжиревшее,
От того уже совсем обнаглевшее.

Никого и никогда не стесняется,
Не стыдится ничего и не кается.

А уходит, никогда не прощается,

Потому что никуда не девается.

От улыбок никогда не смущается,

И над радостью сердец насмехается.

Корчит рожи и всегда ухмыляется,

Как ударить побольней примеряется.

Никогда тебя не гложут сомнения,

И неведомо тебе нетерпение

За спиной людской стоишь и не прячешься,

И с косою как с игрушкой дурачишься.

Так и ходим мы с тобой неразлучные

Ну, за что же ты людей вечно мучаешь?

Хочешь выпить кровь, а кровь не кончается.

Почему же в жизни так получается?

Почему же нам не кажется странным,
Что ты сыпешь соль на гнойные раны,
И над душами, как злые каратели,
Измываются друзья злопыхатели?

Почему же счастья только мгновение,

А потом одно сплошное терпение?

Почему же в жизни так получается?

Горе горькое никак не кончается.

А известно ли вам, что когда-то
Наши предки не ведали мата,
А затем по известной причине
Появилась в миру матерщина?
Появилась она и осталась,
Как пиявка к душе присосалась.
Знали будто бы наши враги,
Как Святые для нас дороги,
И нетрудно им было понять,

Что особенно Божия Мать.
Понимали, чтоб нас победить,
Надо прежде Святых убить.
И родили слова эти гнусные,
Неприкрытые, безыскусные.
Поначалу словам оскорблялись,
Их отторгнуть от сердца пытались,
Но со временем смыслы стирались,
И они прижились и остались.
А теперь этим даже бахвалятся,
Изощрённей ругаться стараются.
Вы подумайте! Всякий готов
Для какой-то там связности слов,
Из привычки, бездумно, как водится,
Оскорблять просто так Богородицу!
А как только приходит ненастье,
Отовсюду нагрянут несчастья,
«Сохрани нас под покровом Твоим!» -
В храме Божиим слёзно блажим.
А едва лишь выходим из храма,
Превращаемся в Ноева Хама,
И давай материться опять,
Богородицу вновь оскорблять.
Плакать хочется! Что ж мы за люди?
Ну, когда ж мы разумными будем?
Ну, когда ж мы поймём, что не Шнуров

Должен быть для души нашей гуру?
Он, несчастный, не может не знать,
Что придётся за всё отвечать,
Ну, а матом его увлечение,
И ума, и души помрачение.
Так, увы, очень часто случается!
От бездумья душа помрачается.
Неразумный не верит, что мат,
Для души нашей хуже, чем яд.
И хоть чтобы чуть-чуть освятиться,
Надо всем прекратить материться.
Мы, конечно, вольны выбирать,
Но, по мне, так уж лучше молчать,
Чем кого-то вообще оскорблять,
А тем более Божию Мать!

Переиначил стихотворение Ф.И Тютчева «Цицерон» и назвал его

«Либерал».

О ты, кто мир сей посетил,
В его минуты роковые!
Тебя позвали все блатные,
Как собеседника на пир.
Ты их безумных зрелищ зритель,
Ты в их совет допущен был –

И заживо, как их служитель,
Из чаши их бесчестья пил!
Как назиданье всем примером,
Ты будешь новым Агасфером.
И это не судьба, не рок, но плата
За всё свершённое когда-то.
И знай, что по клеветам зла,
Не будут петь колокола!

Если радует тебя моя радость,
Если счастье моё не в тягость,
Если горе одно на двоих,
Прочитай! Для тебя этот стих!

В борьбе непримиримой видов
На нас набросились кавиды.
Но мы не сразу окопались,
Не сразу замаскировались,
Одели плотные перчатки,
Чтоб не оставить отпечатков.
Враг без сомнения силён.
Не знаю, ведает ли он,
Что в этой битве обречён?

Господи, Ты мой, Господи!

Не хочу я гостем быть!
Если б дал ты только сил,
Я Тебя бы упросил,
Чтоб грехи мои простил
И меня усыновил;
Чтоб я больше не бродил
По пристанищам чужим.
Чтобы стал Тебе родным,
Если б дал Ты только сил.
Как бы не был путь мой трудным,
Не хочу быть сыном блудным,
А хочу тебе под стать
Чистым и безгрешным стать.
Мой греховный страстный пыл
Я б слезами оросил,
Если б дал Ты только сил.
Может быть тогда очнусь,
Хоть на что-то пригожусь
Господи, Ты мой, Господи!
Не хочу я гостем быть!
А хочу, чтоб Ты простил!
Умоляю! Дай мне сил!

Как-то стало тучам скучно
Погоулять решили тучи.
Напились чего-то там,

И устроили бедлам!
Всё мгновенно забурлило,
Зашумело, заходило.
Некто грозный и могучий
В споре, кто же самый лучший,
Громом вдруг загрохотал,
Как безумный хохотал,
С пьяну ль, от излишка сил
Дырки в тучах насверлил,
А потом, о, чудеса!
Вдруг разверзлись небеса!
Что тут, братцы, началось...
Задрожало, затряслось!
Из небесного нутра
Полилось, как из ведра.
Всем, чем на пиру набрались,
Тем на землю опростались.
Им бы там угомониться,
Поостыть, остепениться,
Поутихнуть, но куда там!
Разгулявшимся патлатым
В радость этот шум и гам -
Лишь усилился бедлам.
А совсем неугомонный,
Опьяневший, непреклонный
Беспрестанно рокотал,

Угрожающе рычал,
Падал сверху, грохотал,
Древа с корнем вырывал,
Оземь, как сучки бросал.
В гневе или от досады,
Из-за туч, как из засады,
Наземь молнии метал,
Опоён свободы зельем
Или просто от безделья.
В общем, делал, что хотел.
– Это что за беспредел?
Это что за кутерьма?
Вовсе выжили с ума? -
Голос вдруг прошелестел.
Праздник мигом оробел.
Все затихли, присмирели,
Как-то разом протрезвели.
Дождались! Явился он,
Ветер славный, Тучегон!
Лишь один из них, Буян,
Был ещё настолько рьян,
Что не смог остановиться,
Перестать, остепениться.
Также продолжал бузить,
Сквернословить и дерзить.
– Коль пошло такое дело,

Ты, как вижу, самый смелый? -

Тихо молвил Тучегон.

Рассердился очень он.

– Я! – шагнул вперёд Буян,

Сквернослов и хулиган.

– Может быть мне объяснишь,

Почему ты так шумишь?

Что, скажи, здесь происходит?

Кто всем этим верховодит,

И крушит земной закон? -

Вопрошает Тучегон. –

Посмотри, что натворили!

Всё вокруг водой залили!

У кого здесь столько сил,

Что всю землю затопил?

У кого ума хватило

Не давать светить светилу?

Кто деревья повалил?

Градом урожай побил?

И не смей травить мне байки!

Всё поведай без утайки!

– Д-а-а... Вопрос, конечно, странный, -

Отвечает самый рьяный.

– Ну-к, давай-ка, не стесняйся!

Если ты, то признавайся!

И не вздумай мне юлить,

На других вину валить!
Здесь для всех один закон! –
Грозно молвил Тучегон.
– Ты уверен, господин,
Что закон для всех един? –
Растерялся вдруг Буян,
Сквернослов и хулиган.
– Что за странные сомненья?
Неуместны разночтенья!
Да! Для всех один закон!
Всё ведь держится на нём! -
Твёрдо молвил Тучегон.
– Не считай закон тираном!
Если корень загниёт,
Древо, поздно или рано,
Обязательно умрёт.
– Мне не нравится обман, -
Заявляет вдруг Буян, -
Славный ветер Тучегон,
Что для всех один закон.
Думаешь, никто не знает,
Кто нас вместе собирает?
Наземь молнии швыряет?
А потом, как будто разом,
Он совсем теряет разум,
И, собою опьянён,

Забывает про закон?
Не рассказывай мне сказки,
Что закон ему указка!
Иль поведать, как метель
Вырывает дверь с петель?
Иль не знаешь, что пурга,
Злобней всякого врага,
Дни и ночи напролёт
Всё метёт, метёт, метёт,
И страдают люди, звери?
Ну, и кто тебе поверит,
Что закон для всех един?
Подскажи мне, господин!
Для чего он миру дан?
Может знает ураган?
Что захочет, то вершит!
Бьёт, ломает и крушит!
И далёко от земли
Топит в море корабли!
– Что ты! Что ты! Ты о ком? –
Засмутился Тучегон. –
Говори! Чего же ждёшь?
– Сам себя не узнаёшь? –
Засмеялся вдруг Буян,
Сквернослов и хулиган. –
Беззаконие творишь,

Но красиво говоришь!
И, конечно, может статься,
Если очень постараться,
То любого убедишь,
Что важней всего закон,
Ну, а ты здесь ни причём!
Всех кругом в грехах вина,
Убедишь, но не меня!
Ведь с тобой гуляю я!
– Ты б потише, друг Буян!
Ну, причём здесь ураган?
Надо ж и меня понять.
Не могу я вечно спать!
Ты же знаешь, что я каюсь,
И примером быть стараюсь.
Становлюсь я тихим, нежным,
Ветром радужной надежды,
И пустынным в награду
Приношу в жару прохладу.
Эк, горазд ты обвинять
А попробуй-ка понять!
Но, важней всего закон! –
Непреклонен Тучегон.
Ветер глубоко вздохнул,
Улыбнулся, подмигнул –
Что Юпитеру дано,

То быкам не суждено!
Чтоб тебе понятней было,
Поясню – не вышли рылом,
Чтоб законы нарушать!
Это каждый должен знать!
Да, что былое ворошить? –
И опять давай крушить!

У кого, скажите, право
На него найти управу?

Мой ангел-хранитель скажи мне доколе,
Мы будем несчастны по собственной воле?
Мой Добрый Родитель, скажи мне доколе,
Противится будем Отеческой воле?
Томиться мы будем, скажите доколе,
У наших страстей и привычек в неволе?
И ложь вместо Истины будем доколе
Считать для судьбы нашей избранной долей?
Боюсь, что продлится вот это доколе
До всеми забытого холмика в поле!

Человек на свете жил.
Жил себе и не тужил.
Утверждать, что бесталанный,
Коль зашёл бы разговор,

Был бы явный перебор.
Но в одном уж точно странный -
С детства, как слепой щенок,
Ничего решить не мог.
Всех и вся вокруг стеснялся,
Мыкался и сомневался.
Навсегда таким остался.
Очень не любил при этом
Делать что-нибудь конкретно.
Прижилась привычка в нём
Отложить всё на потом.
Жизнь прошла и не заметил,
Как настало время смерти,
Но в последнее мгновенье
Наступило просветленье -
Лишь прощаясь с белым светом
Он сумел уразуметь,
Что «потом» для жизни этой
То же самое, что смерть!

Чем бы дитя не тешилось,
Лишь бы не плакало,
Кушало, писало, какало.
Ну, а когда вырастают мучители,
Плакать навзрыд начинают родители.
А чтобы жизнь не была испытанием,

Просто займитесь детей воспитанием!

Мне уже ничего не надо.

Жизнь и так прожита в говне.

Коль давали б за это награду,

То хотел бы дожить в тишине.

Говорят, будто тешит душу,

Когда рядом с тобой друзья.

А меня это как-то душит.

От людей задыхаюсь я.

Я устал от пустых разговоров,

От пространной бездумной лжи,

От никчемных бессмысленных споров,

За которыми ссора лежит.

Не люблю обсуждать поступки,

Не хочу осуждать людей,

И идти душой на уступки,

Заболев от чужих страстей!

Боже, Боже! С меня довольно!

Сколько можно уже грешить?

Как хотел бы я добровольно

Хоть чуть-чуть без греха пожить!

Я хотел бы перед уходом
С моим Богом поговорить,
И спросить, как такого уroda,
Хоть за что-то можно простить.

И на старуху бывает проруха!
Видит в пол глаза! Слышит в пол-уха!
И в голове её полу-разруха!
Вот потому и случилась дожука –
Вместо зайчатины слопали Кука!
Вам бы хотелось напомнить при том,
Что старики здесь совсем не причём!
Можно старух и понять, и простить –
Надо же чем-то беззубых кормить!

Всё было случайно, как будто сначала,
Шутливый пустой разговор.
Она невпопад что-то мне отвечала,
А я нёс классический вздор.

И песню игриво Амуры играли.
Лукаво искрились глаза.
Они вместе с нами о чём-то мечтали,
О чём не решались сказать.

И нам на Земле этой стало вдруг тесно
Нас ветер унёс в небеса
«Жених и невеста! Жених и невеста!»
Запели вокруг голоса.

И солнце взорвалось, своими лучами
Залило пределы земли,
И чтоб ни случилось потом между нами,
Мы эти слова сберегли.

Пол века минуло, как будто не к месту
От внуков болит голова.
Жених и невеста! Жених и невеста!
Они повторяют слова.

Многие знания – много печали,
Как-то мы с сыном моим прочитали.
За суетой я об этом забыл.
Время прошло, и мой сын загрустил.
– Сын! – говорю ему. – Что за кручина?
Может поведаешь папе причину?
Он открывает свой школьный дневник.
Я посмотрел и главою поник.
Да-а-а, – говорю, – за такие успехи

Ты, как никто, заслужил на орехи.

Отравлен с детства ложной верой,

Простой и сладостной химерой

Стать революционером.

Он мог бы послужить примером

Для многих пламенных сердец,

Какой их горький ждёт конец.

Советы старших отрицая,

Основы мира потрясая,

Он с вождельем ждёт поры,

Когда войдёт в тартарары,

Считая их мечты пределом,

И лучшим для судьбы уделом.

Харон его там лично встретит.

При входе ласково приветит

Последним лучиком посветит,

Чтобы не боялся он пути,

С которого нельзя сойти.

Посадит в лодку, сам войдёт,

И вместе Стикс переплывёт

Туда, где будто счастье ждёт,

Свобода, слава и почёт.

Таких, как он, ему под стать,

Там невозможно сосчитать,

Кто жаждал в жизни перемен,

Попал к этой идее в плен,
И жизнь за то готов отдать!
Убить детей, отца и мать,
Во имя этих перемен!
И верен был дурной идее,
Придуманной прохиндеем!
Ну, жизнь отдал, а что взамен?
Не ожидал, что будет тлен?
Но Стикса мерное течение
Сотрёт последние сомненья,
Прозрит ослепшие глаза,
Когда в раскаянных слезах
Поймёт, что поздно горевать,
Что ничего не поменять,
Что будет вечно догнивать.
Во мраке горестной геенны,
И вновь мечтать о переменах.
Ну, что ж здесь на кого-то дуться,
Коль сам ты рад был обмануться?
Подумай, прежде чем мечтать
Течение жизни поменять,
Чем может это обернуться.
Назад ведь больше не вернуться.

Я хотел бы даже не лета,
А совсем другого тепла.

Чтоб душа моя была согрета,
И любовь повсюду была.

Я хотел бы с ней породниться,
И наполнить радостью дом.
Я хотел бы ею делиться,
Как последним своим куском.

Знаю я – не имеет границы,
Что досталось нам от Отца,
Я бы дал от неё напиться,
Чтоб слезу утереть с лица.

Чтобы в самую непогоду,
Иль какую другую напасть,
Она стала другим подмогой,
Не позволила в грязь упасть.

И пока она, как лампада
Будет в сердце моём гореть.
Я в ответ на такую награду
Стану гимны Господу петь.

У ворот Пресветлого Рая
От волненья и страха дрожа,
Проклиная себя и рыдая,

Сиротливо стоит душа.
И хотя ворот не закрыли,
А кто призван, уже вошли.
«Про меня, – кричит, – позабыли!».
А кому? Все давно уж ушли.
Но она, не теряя надежды,
И не веря своим глазам,
Разрывая свои одежды,
Воскликает: «Откройся, сезам!».
«Что ж ты, милая, как слепая? -
Говорит чей-то голос ей. –
Не закрыты ворота Рая,
Да и нет у него дверей!
Почему же ты опоздала?
Ведь звана была каждый час?
– Я всё время о нём забывала,
Пока свет вокруг не погас.
А когда погас, всполошилась,
И тотчас поспешила сюда.
Говорят, я счастья лишилась,
И уже не найду никогда.
Вот, парадное платье одела,
И стенаю, и слёзы лью,
И отчаянья нет предела,
Но не знаю, кого молю.
Подскажи, к кому обратиться?»

Кто мне может сейчас помочь?
Ведь когда-то была я птицей,
Но ползком заползти не прочь.
– Не могу тебе дать надежды.
Уж такой у тебя удел.
Ты могла б войти, коль одежды
Состояли б из добрых дел.
Где сейчас, скажи, твои крылья?
Как несчастная не поймёшь?
С детства ведь тебе говорили:
«Что посеешь, то и пожнёшь!».
Ты давно уже не невеста
И полна сладострастных грехов,
И теперь твое вечное место
Там, где плачь и скрежет зубов.
И несчастную тьма накрыла
Покрывалом смертным своим
И душа от испуга завывала:
«Умоляю! Откройся Сим-Сим!».

Что боишься ты птичка певчая,
Озираешься и дрожишь?
Что на солнце глядишь недоверчиво,
И сейчас почему-то молчишь?
Вспомни, как ты радостно пела,
Когда будто бы в клетке жила.

А теперь совсем онемела.
Не того от свободы ждала?
Сладкозвучные где рулады,
Ведь твои воплотились мечты?
И за песни эти награду,
Наконец, получила ты.
А теперь, когда всё случилось,
Когда, вот оно, счастье твоё,
Почему-то так получилось,
Что кругом тебя вороньё.
И тебе уже не до песен,
Не до сладостного вранья.
Мир огромный стал слишком тесен -
Негде спрятаться от воронья.
Вспомни, как злодеям в угоду,
Ты была и грозна, и нежна,
Воспевая прелесть свободы,
А теперь никому не нужна.
И не ведаешь, где укрыться
От грозящих вокруг врагов,
Хоть теперь ты – вольная птица,
Да и нет на тебе оков.
И тебя, наконец, осенило
Ты себя за ошибку кляня,
Поняла – помраченье было!
Пела песни для воронья!

Что боишься ты, птичка певчая,
Озираешься и дрожишь?
Что на небо глядишь недоверчиво,
Почему-то угрюмо молчишь?
Ну, а что тебе остаётся?
Поневоле придётся терпеть
Коль захочешь выжить, придётся
Воронью песни славы петь.

Было б очень здорово
Наболтать с три короба,
И чтобы ни случилось,
Всё это приключилось!
Что придумать? Я не знаю,
Но давайте помечтаем!
А вот если бы, да кабы
Во рту выросли грибы,
То это был бы не рот,
А целый огород!
Целый огород с грибами?
Да они растут в лесу!
Только там, мы знаем с вами,
Можно повстречать лису.
Хитроумная лиса,
Рыжехвостая краса,
По лесу ищейкой рыщет,

И зайчат несчастных ищет!
А трусливые зайчата,
Сбились вместе как опята,
За пенёчками сидят,
Словно листики дрожат.
Нет! Нам это не подходит!
Там медведь по лесу бродит.
Представляете картину –
Собирает он малину,
И почти всегда молчит,
А потом как зарычит!
Всех вокруг перепугает,
Кто малину собирает.
Понесутся наутёк!
Будет впредь другим урок,
Как Потапычу мешать
Вкуснотищу собирать!
Кто в лесу привык бывать,
Тот, конечно, должен знать -
Там полным-полно зверей:
Белок, зайцев и свиней.
Как всю эту тесноту
Я смогу вместить во рту?
Честно вам скажу, не знаю.
Но не то меня пугает:
Ну, как волки среди ночи

Вдруг завоют что есть мочи?
Кто мне может подсказать,
Как тогда смогу я спать?
Во беда! Но что там волки?
Пошумят, да и умолкнут.
А вот если старый дятел
Не найдёт других занятий,
И возьмётся мне назло,
Коль язык мой – помело,
В нём долбить себе дупло?
И поскольку я болтун,
Нанесёт он мне типун,
Но к такому мой язык
Вот уж точно не привык!
А строитель он умелый!
Ну, и что мне с этим делать?
Как и в чём его винить?
Надо ж где-то птице жить!
После смены трудовой
В тишине найти покой.
Вечерком чайку попить,
Древоточцем закусить.
Он как молот что есть сил,
Клювом по коре долбил,
Древоедцев там искал,
Их оттуда доставал,

Всех в котомку собирал
И деревьям помогал.
Он как доктор Айболит
Для берёзок и ракит.
Им, чем может, помогает,
И деревья сберегает.
Поползли по лесу слухи.
Их назойливые мухи,
Коль везде они летали,
Как болезнь распространяли.
Из-за этого друзья
Среди птиц, и средь зверья
Разгорелся жаркий спор
И пошёл такой сыр-бор:
– Что за наглость! Что за нравы!
По какому это праву
Дятел сам дупло пробил
И себя в нём поселил?
Кто такое разрешил? –
Вдруг посыпались упрёки
От сороки-белобоки. -
Надо вместе всем собраться,
С самовольством разобраться.
На такой её призыв
Весь собрался коллектив.
– Ну-ка, дятел нам ответь, -

Грозно проревел медведь, -
Почему без позволения
Ты такое натворил?
Почему без разрешенья,
Сам себя в дупло вселил?
– Я, конечно, извиняюсь!
И как на духу признаюсь –
Никого я не спросил!
Просто строить дом решил!
Сам без устали трудился,
Потому и поселился, -
Скромно дятел отвечает. –
Все в лесу об этом знают.
Мне ведь просто повезло,
Что язык, как помело!
Если было бы иначе,
Не решился б никогда,
И, поверьте, этой дачи
Не имел бы я тогда!
Ох, какой поднялся крик:
– Покусился на язык!
Опорочил всё святое!
Братцы! Что ж это такое?
Нам язык – отец и мать!
Надо дом конфисковать!
Это что ж за чудеса? –

Раздавались голоса.
Тут кукушка появилась
К обвиненьям подключилась.
Примостилась на суку:
– Ку, да ку, да ку, да ку.
Стали звери насмехаться,
Над кукушкой потешаться:
– Эка ты, сестра хитруша!
Возомнила себя клушей?
Где, скажи, твои птенцы,
Хулиганы-сорванцы? –
Задаёт вопрос лиса,
Рыжехвостая краса:
– Ты всё по лесу летала,
Днём и ночью куковала,
Всем желающим гадала.
Где оставила детишек,
Сорванцов и хвастунишек?
Уж кому-кому пенять,
А тебе бы помолчать! –
Ей лисица говорила,
А кукушка вдруг заныла:
– Вам бы только насмехаться!
Ну, а мне куда деваться?
Нету дома у меня,
Где б жила моя семья.

Дятлу просто повезло!
Пусть уступит мне дупло!
Что тут, братцы, началось!
Зашумело, затряслось!
Крик поднялся, шум и гам!
В общем, полный тарарам!
Тут такое завертелось!
Всем, конечно, захотелось,
Поработав языком,
Получить задаром дом.
Так в запале, может статья,
Все могли бы передрасться,
Если бы не мудрый лось.
Он выходит на поляну,
Прерывает самых рьяных:
– Заждались меня, небось!
Извините! Задержался!
Слишком долго добирался!
Вся дорога вкривь и вкось!
Тут опять пошла шумиха,
Поднялась неразбериха.
Все как будто по приказу
Объяснить хотели разом.
Лось пытался их унять.
Как тут что-нибудь понять?
Но не смог, какое-там,

Прекратить этот бедлам.
Так они весь день кричали,
Лишь к закату замолчали.
Наконец, утомонились.
Видно, просто утомились.
Лишь кукушка на суку
Продолжала ку, да ку.
– Нешто белены объелись?
Расшумелись! Разгалделись! –
Говорит премудрый лось. -
А теперь давай лисица,
Сплетен всяких мастерица,
Расскажи-ка, что стряслось,
Почему переругались?
Что вам в мире не жилось?
– Дятел этому причина!
Простофиля, дурачина!
Он такое натворил! –
Говорит ему лиса,
Рыжехвостая краса. –
Ужас просто! Представляешь?
Ты его ведь лично знаешь!
Разрешенья не спросил,
Сам дупло соорудил,
И потом туда вселился!
Вот народ и возмутился.

Да и как не возмутиться?
Дятел! Что это за птица?
Как посмел туда вселиться?
Что за важный господин,
Что живёт в дупле один?
– Ну, дела! – сказал мудрец! –
Сделал дело – молодец!
Так учил меня отец!
Так издревле повелось! –
Говорит премудрый лось. -
Не пойму, хочу признаться,
Чем здесь можно возмущаться!
– Как же чем? Он не спросил!
Потому и возмутил! –
Говорит ему лисица,
Сплетен разных мастерица.
– Мне одно лишь очевидно, -
Помолчав, промолвил лось, -
Стало вам, друзья, завидно,
А дупло, как в горле кость!
Как же так? Какой-то дятел,
Сильным мира не приятель,
Сам себе построил дом!
Ну, а вы-то здесь причём?
Кто вам дал такое право
Учинить над ним расправу?

Иль напомнить, что на суд
Лишь преступников влекут?
Ну, а, если б был не дятел,
А ваш друг или приятель?
Если б это был медведь?
Стали бы тогда шуметь?
Ну, скажите! Что молчите?
Правду слушать не хотите?
Почему не стыдно вам,
Что весь этот тарарам,
Эту свару, эту склоку
Вам устроили сорока
Да бездумная кукушка,
Чужегнездная несушка?
Так что прежде, чем болтать,
Иль кого-то осуждать,
Надо десять раз подумать,
Всё как следует узнать,
А не сплетни распускать!
И прошу не забывать,
Что болтая языком,
Не построишь новый дом.
Так что лучше постыдитесь,
Да по лесу расходитесь!
Вот что, братья, было бы,
Если б выросли грибы.

Неприятный поворот!
Может лучше огород?

Не шепчи мне на прощанье
Никакие обещанья.
Мол, судьба такая штука,
Будет впредь тебе наука.
Не гадай, что впереди.
Коль уходишь, уходи!
Чтоб обиды не тая,
Мы расстались, как друзья.
Улыбнись осенним садом,
Жёлто-красным листопадом,
Тихим бархатным закатом,
Да полей пшеничным златом,
Помаши мне ветерком,
Словно шёлковым платком.
Вечером с тобой прощаясь,
Помню я всегда о том,
Что, со мною расставаясь,
Можешь стать последним днём.

Кто мне скажет, в чём секрет?
Видим то, чего уж нет,
И прекрасно это знаем,
Но упорно изучаем,

В телескопы наблюдаем,
Карты неба составляем.
В то же время понимаем,
Что всё это лишь мираж

Когда могла бы так легко
Душа болеть, как страждет тело,
То от рождения веков
Ничто внутри бы не болело,
И под серебряной луной
Родился б мир совсем иной.
О, как бы жизнь была легка!
Коль нет души, то нет греха!
И всех нас сладкая свобода
Встречала б патокой у входа,
Откуда нет пути назад!
Встречала б по дороге в ад!
Но всё не так! Душа страдает!
Живёт, и от рожденья знает,
(Нам в этом очень повезло),
Что есть добро, а что есть зло.
Одна лишь странность, что с годами
Они меняются местами,
А мы подмен не замечаем.
О зле, как о добре мечтаем,

И в забытии воображаем,
Что всё на этом свете знаем.
И, укрепляясь в самомнении,
Вооружившись заблуждением,
Мы поколениями идём,
Построившись за рядом ряд,
Давно проложенным путём.
Идёт торжественный парад
К свободе! Там, где правит ад!
К свободе! Нам нужна подмога!
К свободе!
От кого?
От Бога!

«Правда к правде, ложь ко лжи.
Всё по полочкам лежит.
Никаких нигде смещений,
Полуправды, допущений.
Всё вокруг предельно ясно,
Гармонично и прекрасно!
Так ведь было изначально!» -
Вспоминаем мы печально.
Люди, звери, птицы, гады,
Все друг другу были рады.
И добра была природа.
Несмотря на время года,

Плодородия полна,
Как любимая жена.
А потом вдруг в одночасье
Стало рушиться согласие.
Закрутилась круговерть,
И пришла на Землю смерть.
И неведомое зло
В наши души заползло.
В мире всё перемешалось
И на деле оказалось,
Что теперь не разберёшь,
Где тут правда, а где ложь.
Будто некий чёрный коготь,
Обмакнулся в смрадный дёготь,
С мёдом стал его мешать
И как сладость предлагать.
Поначалу мы кривились,
Чертыхались и давились,
Но успеха не добились,
И со временем забыли,
Кем на самом деле были.
Лжи противиться устали,
Честь за золото продали,
И давно лжецами стали.
Невзирая на печали,
Ищем место, где получше,

Как жуки в навозной куче
И детей тому же учим.
И пропитанные ложью,
Мы никак понять не можем,
Почему питаюсь пищей,
Дёгтем с мёдом пополам,
Счастье безутешно ищем
На безрадостном гноище,
А находим боль и срам!
Пополам!

Тук-тук, тук-тук!
Война стоит у двери.
Тук-тук, тук-тук!
Пришла, а мы не верим!
Тук-тук, тук-тук!
Грозится ятаганом.
Тук-тук, тук-тук!
Зовётся Эрдоганом.
Тук-тук, тук-тук.
Как золото мгновенья!
Тук-тук, тук-тук!
Мы замерли в сомненьях!
Дон-дон, дон-дон!
Надежды умирают!
Дон-дон, дон-дон!

Кругом всё полыхает!
Дон-дон, дон-дон!
Пожалуйста, очнитесь!
Дон-дон, дон-дон!
И Родиной займитесь!
Дон-дон, дон-дон!
Грядёт Армагеддон!

Я могу порой часами
Наблюдать за небесами.
За светлеющей полоской
Ранней утренней причёски.
Как затем они проснутся
И умоются росой,
Розовеют, розовеют
И стыдливо покраснеют
Первозданной красотой.
Приоткроются картинно
От пенистой пелерины
Из кудрявых облаков,
И, прощаясь с миром снов,
Засверкает первый луч
Из-за ещё тёмных туч,
Как подарок для меня
От проснувшегося дня.

Он моей щеки коснётся,
На ладонь перенесётся,
И останется теплом
В ощущении моём.
Из луча родится пламя!
Дух Святой придёт за нами,
И тогда мы станем сами
Голубыми небесами!

Закончился день.
Пламенеет закат.
И сил уже нет
Оглянуться назад.
Мне больше не жить.
Мне больше не петь.
Не поздно любить,
Но поздно жалеть.

2

А рядом судьба моя
Скорбно сидит
И вместе со мною
Устало молчит.
Прощайте родные!
Прощайте друзья!
Пусть дети мои
Доживут за меня!

03.11.2020

Скучая как-то вечерком,
Ушёл из дома я тайком.
Мне захотелось вдруг попеть,
В саду на лавке посидеть,
И просто отдохнуть душой
От жизни очень непростой.
От песен детства я забылся,
От мира вовсе отрешился,
Но вдруг заметил невзначай,
Передо мной стоит бугай.
Его увидев, я смутился.
Петь прекратил, остановился.
Он на меня уставил взор,
И начал странный разговор.
Не помню, что он мне сказал.
Не помню, что ему ответил.
Ну, а потом я не заметил,
Как неожиданно упал.
Он принялся меня топтать,
За что, никак не мог понять.
Я стал, естественно, роптать,
Ему пытался доказать,
Старался объяснить, как мог,
Насколько важен диалог.

«Постой! – кричал ему. – Постой!
Ну, объясни мне, что с тобой!
Скажи мне друг! Скажи мне брат!
В чём пред тобою виноват?
Давай с тобой поговорим,
И любововно всё решим!».

А он как будто бы оглох!
В моих мозгах переполох!
Я умолял, кричал, просил,
И, убеждая, приводил
Литературные примеры:
Шекспира, Пушкина, Гомера,
Но он, как коп, что было сил
Меня по-прежнему лупил.
Мой возмутился организм:
«Да это ж форменный садизм!».

Я что есть силы закричал:
«Немедля прекрати, нахал!»
И слово силу победило.
Остановился вдруг верзила.
Устал иль просто задохнулся,
Не суть, но он вдруг вниз нагнулся,
Поднял, и с одного удара
Разбил любимую гитару.
Увидя этот беспредел,
Я возмущённый онемел.

Затем с трудом с земли поднялся,
Шатаясь, с силами собрался,
«Сейчас, – подумал, – злобный хам,
Тебе урок я преподам!».

«За что же вы, ну, право слово,
Так поступаете сурово? –
У хулигана я спросил. –
Быть может я вас оскорбил?
Но чем? Об этом сам не знаю.
Я ничего не понимаю.
Могу вас, друг мой, попросить
Ваш гнев хоть как-то объяснить?».

В нём что-то сразу задрожало,
Забулькало, заскрежетало.
Вопрос мой видно вызвал стресс.
Пошёл мыслительный процесс.
Он что-то силился сказать,
Не мог, и продолжал молчать,
Но, наконец-то, разрешился.
Сначала просто матерился,
Затем умолк, остановился,
А после вовсе замолчал,
Но было видно – он страдал.
«Что друг мой с вами? Не молчите!
Хотя бы имя назовите!» -
Сказал ему. Он встrepенулся.

Ко мне всем телом повернулся.
К нему вернулся речи дар:
«Борис Будкеев. Краснодар. -
Мне злобно отвечает он. –
Но дом мой вечный – октагон!»
И вдруг наносит апперкот,
Затем ногою бьёт в живот.
Я рухнул наземь, как Икар!
«Борис Будкеев. Краснодар!» -
В экстазе поднял руку он,
Непобеждённый чемпион,
И, видимо, удовлетворяясь,
Пошёл куда-то восвояси.
И пел при этом не спеша:
«Жить – хорошо! Жизнь – хороша!».
А я ворочаясь в грязюке,
После побоев этой злюки,
Шептал сквозь слёзы чуть дыша:
«Кому хороша, а кому ни шиша!»

Я могу порой часами
Наблюдать за небесами.
За светлеющей полоской
Ранней утренней причёски.
Как затем они проснутся

И умоются росой,
Розовеют, розовеют
И стыдливо покраснеют
Первозданной красотой.
Приоткроются картинно
От пенистой пелерины
Из кудрявых облаков,
И, прощаясь с миром снов,
Засверкает первый луч
Из-за ещё тёмных туч,
Как подарок для меня
От проснувшегося дня.
Он моей щеки коснётся,
На ладонь перенесётся,
И останется теплом
В ощущении моём.
Из луча родится пламя!
Дух Святой придёт за нами,
И тогда мы станем сами
Голубыми небесами!

Моё разбившееся счастье
Щепоткой собираю,
Укроюсь саваном ненастья,
И горестно замру.
И детских грёз очарованье,

И юности мечты,
Вернутся в душу, как признание,
Победы суеты.
И сердце сладостно проснётся,
И руки задрожат.
И вновь ко мне любовь вернётся,
И потеплеет взгляд.
Но мне вполне того достанет,
Что было у меня,
И в Лету, как мгновенье канет,
Былая жизнь моя.

02.01.2021

В тиши восточной звёздной ночи
В саду оливковом один,
Молился Он, возведши очи,
Смиренья полон, Господин.
Ко Господу взывает Он.
Пред испытанием предельным,
Как всякий человек смущён.
Зовёт призывно: «Авва Отче! –
Среди холодной тёмной ночи
Смиренно голову склоня,
Вещает – всё Тебе возможно. –
И, – Пронеси, – гласит тревожно, –
Чашу сию мимо меня!».

Но после самоуниженья,
Словно взывая о прощеньи,
Он тут же Сам Себя поправил,
Всему свершиться предоставил,
Не отрекаясь от конца,
По воле Горнего Отца.
Здесь в самоотверженьи
Продолжить дальше скорбный путь
Явилась словно откровенье
Его Божественная суть.
Три раза он ходил молиться,
Желая духом укрепиться.
Просил своих учеников
Не поддаваться власти снов,
Но, возвращаясь, видел Он,
Что их сморил несильный сон.
Так все оставили Его
Пред испытаньем одного!
Сын Божий спящих разбудил,
И изумлённым сообщил -
Сейчас должны его предать,
И в руки грешников отдать.

Вот в Гефсиманский древний сад
Вошёл преступников отряд.
В руках у них мечи и колья,

А в душах рабских страх невольный.
Крадутся меж олив, дрожат,
Христа они пленить хотят.
Иуда, Господа предатель,
Людей разбойных председатель,
Им тайный знак хотел подать -
Кого сейчас облобызает,
Он ведь Иисуса лично знает, -
Того и следует хватать.
Толпа Иисуса окружает.
Того иль не Того, не знает.
Иуды гнусные уста
Им указуют на Христа.
Но на защиту Пётр встаёт,
Пленить Христа им не даёт.
Вперёд он выступает смело,
Рукой неверной, неумелой
Из ножен острый меч хватает
И Малху ухо отрубает.
Христос Петра остановил,
Его безумье укорил,
И Малха тут же исцелил.
Готовый к тяжким испытаньям,
Прорёк: «Но сбудется Писанье!»,
И, согласившись на страданья,
Предался им на поруганье.

Ученики того не ждали,
И, растерявшись, трепетали,
Учителя толпе отдали,
А после попросту бежали.
Разбойники, на всё готовы,
Надели на Него оковы,
И мира потряслись основы
Перед Страданием Христовым.
И зародился вечный плач!
Готов к мучениям палач!

В тот час от страха в трепетанье
Злоумыслителей собранье
У Каиафы заседало
И результатов ожидало.
Но прежде, как гласит Преданье,
Его ведут сначала к Анне,
Первосвященнику страны
И партизану сатаны,
В надежде получить совет,
Какой измыслить им навет
Такого обвиненье рода,
Чтобы не вызвать гнев народа.
Увы и ах, но старец Анна,
Смутился, как это ни странно.
И сильно поумерил пыл,

Хотя коварства мастер был,
Когда Христос ему сказал,
Что Анна сам прекрасно знал -
Не в тайне в храме говорил,
Всегда открыто Он учил.
А чтобы правду прояснить,
Не проще ли людей спросить?
Преступник Анна, осознав,
Что пред законом был неправ,
Свою ошибку понимает,
Что делать с узником не знает,
И, пораженьем удручён,
Христа с толпою оправляет -
Не справился с задачей он.
Тогда Создателя Земли
В дом к Каиафе повели,
А по дороге насмехались
И над Иисусом издевались.
Там для расправы над Христом
В ночи собрался полон дом
Свидетелей различных лживых,
На всё готовых для наживы.
Но доказательства такие,
Надуманнные и пустые,
Кого способны убедить
И обвиненье подтвердить?

Такие жалкие признанья
Скорей послужат оправданьем.
И мучился синедрион,
Стараясь обойти закон.
Чтоб значимой была вина,
Хотя бы видимость нужна.
И Каиафа это знал:
Во время злобного допроса
Рождалось множество вопросов,
А Узник между тем молчал,
И ничего не отвечал.
Встаёт тогда первосвященник,
Преступной мести злобный пленник,
Лукавства верный исполин,
Синедриона господин.
Сам задаёт ему вопрос,
Не утверждает ли Христос,
Что будто бы Он Божий Сын?
Благоговейно замер зал.
Иисус ответил: «Ты сказал!».
И несмотря на откровенье,
Ища предупредить сомненья
И обвинения провал,
Первосвященник в позу встал,
Одежды на себе порвал,
«Он богохульствует!» – кричал. -

К чему другие доказательства?». Свершилось гнусное предательство. Закон пред обвиненьем пал. «Повинен смерти!»— суд признал.

Тогда же во дворе клеветы,
Прислужники-апологеты,
На всё готовые стояли,
Суда детали обсуждали.
И в стуже той ночной поры
Собрались в круг и жгли костры.
Меж ними молча Пётр сидел,
И над дровами руки грел.
Служанка вдруг к нему подходит,
Беседу с Симоном заводит,
Не говорит о том о сём,
А с подозреньем вопрошает,
Не он ли тот, что был с Христом.
Что ей сказать Симон не знает,
В испуге это отрицает,
Как растерявшийся малыш:
«Не знаю, что ты говоришь.»,
Поспешно на ноги встаёт
И быстро к выходу идёт.
Но тут ещё одна служанка
С Петром вступает в перебранку.

«Он был с Иисусом Назареем!»-

Кричит она другим евреям.

Толпа Симона окружает.

От страха разум он теряет,

И просто клясться начинает,

Что будто бы Христа не знает.

Но ту ещё один служитель,

Христа злокозненный пленитель,

К Петру с вопросом подступает

И в том же самом обвиняет.

Симон отчаянно боится,

От страха даже стал божится,

Неоднократно повторяет,

Что он Христа совсем не знает.

Но вдруг в ночи петух пропел

И ученик оторопел.

Как будто громом поражён,

Тот час же вспоминает он

Слова Учителя о том,

Что прежде, чем свой глас

Петух перед зарёй подаст

Иисуса трижды он предаст.

И поняв, что он натворил,

Пётр бросился что было сил

Прочь с ненавистного двора –

Печальных слёз пришла пора.

По оглашеньи приговора
Разнообразной черни свора
В безумье стала развлекаться
И над Иисусом издеваться.
Прислуге Узника отдали,
Чтобы Иисуса охраняли,
А фарисеев высший клан
Измысливал коварный план.
Евреи, видно из преданий,
Приговорённого к закланью
За город выводили сами,
И побивали там камнями.
Рим Иудею захватил,
Свои законы утвердил.
Евреи потеряли право
На безотчётную расправу.
Теперь суду необходимо,
Чтобы их смертный приговор
Заверил высший прокурор,
Поставленный далёким Римом,
Поэтому синедрион
Решал, как обойти закон.
Обдумывал, как дальше быть –
Как римлян можно убедить,
И обвиненье подтвердить,

Чтоб Сына Божия казнить.
Над ними ненависть витала
И строить планы помогала.
Всей Иудеи прокуратор,
И над евреями диктатор,
Верховной властью обладал,
Вопросы казни он решал.
К нему пошёл синедрион,
Чтоб приговор заверил он.
Всё о евреях знал Пилат.
Визиту их он был не рад.
Толпы услышав шумный глас,
Явившейся в столь ранний час,
Прошёл в судебную палату,
И там, как должнствует Пилату,
Правителю-аристократу,
Хотел принять этот собор,
И разрешить возникший спор.
Войти в язычников палату,
Боясь пред Пасхой оскверниться,
И понести за то утрату
(Могли ведь праздника лишится),
Пришедшие не желали.
Пилата выйти вынуждали
И в возбуждении кричали.
Ну, что ж поделаться? Вышел он

Их фанатизмом возмущён.
Пилат, прекрасно понимая,
Что эта каверзная стая
К нему явилась неспроста,
Увидел с ними Человека,
Предельно кроткого Христа.
Вооружённую опеку,
Совместно ненависть и страх
В горящих злобою глазах.
Спросил собравшихся, кто знает,
В чём Человека обвиняют,
Но не хотела эта свора
Вести такие разговоры,
Крича Пилату, что злодей,
Пред ним стоящий Иудей.
Евреи дерзко отвечали,
Чтобы за резкостью речей
Расследовать вину не стали,
И план раскрылся палачей.
Им не поверил прокуратор,
Над иудеями диктатор.
Возникли у него сомнения
В таком невнятном объясненьи.
Сам захотел узнать Пилат,
В чём этот Узник виноват.
Тут Каиафа выступает,

Христа бесстыдно обвиняет
В том, что евреев развращает,
Платить налоги запрещает,
И что осмелился при том
Провозгласить Себя Царём.
Но, заподозрив в этом ложь,
Уж очень Узник не похож
На самозванного царя,
Решил не тратить время зря.
Злокозненность евреев зная,
Пилат, как судия, решает
Иисуса лично допросить,
Чтоб лучше дело изучить.
Христа от палачей уводит,
Его к себе в палату вводит,
И задаёт вопрос судейский
Неужто Он – Царь Иудейский.
Иисус на сей раз не молчал,
Ему ответил: «Ты сказал!».
Поведал – Царствие Его
Есть не от мира суть сего!
Тем подтвердив, что Он не тать,
А что пришёл Он для того,
Чтобы об Истине сказать!
Пилат улыбку погасил,
«А что есть Истина?» – спросил.

Идёт обратно к иудеям
И объявляет фарисеям,
Что обвинять они вольны,
Но он не видит в Нём вины.
Разволновался тут народ,
Старейшины и всякий сброд.
От праведности этих слов
Взъярился стан Его врагов.
Они неистово взроптали,
В остервененьи закричали,
Что Он народа возмутитель;
Что Он злокозненный учитель;
Что Он ходил по Иудее,
Начав ученье с Галилеи;
И что никак нельзя простить,
И надобно Его казнить.
Услышав слово «Галилея»,
Пилат направил иудеев
К галилеянскому царю,
Чтоб тот решал евреев прю.

Христа Агрипа Ирод знал
И встречи с ним давно искал.
Мечтал Его уговорить
При нём же чудо совершить.
Но и Христос Агрипу знал,

И за натуру называл
Позорным именем лисицы,
Нижайшей хитрости сестрицы,
При встрече потому молчал
И ничего не отвечал.
Агрипа Ирод оскорблённый,
Царёк-лиса самовлюблённый,
Решил Иисуса наказать
И в руки слуг своих предать.
Отдал Христа на поруганье
Из-за Его непослушанья.
Но, взяв с Него такую плату,
Отправил Узника к Пилату,
Признав, хоть был предельно зол,
Что в Нём вины он не нашёл.
Пришлось Пилату вновь решать,
Как с Иисусом поступать.
Что делать дальше он не знает,
Хотя прекрасно понимает,
Кто его хочет принудить
Дать разрешение казнить,
Но всё ж надежды не теряет,
И к милосердию взывает.
Народу выбрать предлагает
Из осуждённых одного,
Чтобы помиловать Его.

Тогда обычай бытовал,
Что в Пасхи праздничные дни,
Кого народ сам выбирал,
Того помиловать могли
Из узников приговорённых,
И к смертной казни осуждённых.
Меж тем народ подговорённый,
Старейшинами убеждённый
Их наглой ложью, как отравой,
Кричит освободить Варавву,
Разбойника и кровопийцу,
И всем известного убийцу.
Так стали все до одного
Скандировать: «Респни Его!».
Среди сего столпотворенья
Приходит Проклы извещение,
Жены пилатовой поклон
О том, что ей приснился сон,
А в этом сне предупреждали,
Чтоб не было Христу печали;
Что сон опасен и тревожен;
Чтоб муж был крайне осторожен.
Послушался жену Пилат.
Он сам, признаться, был не рад
Жестокосердию евреев,
Сверх фанатичных фарисеев,

И чтобы как-то убожить,
И непреклонность их смягчить
Подверг Иисуса бичеванью,
Пытаясь вызвать состраданье.
К ним Узника опять выводит,
Но состраданья не находит.
«Се, человек!» – им возглашает,
Но ничего не помогает.
Злодеи, все до одного,
Кричат: «Распни, распни Его!».
Пилат их лживость понимает,
Но, как спасти Христа, не знает,
И, как последний акт надежды,
Приносит царские одежды,
На Иисуса надевает,
И пред толпою выставляет.
Но делает он это зря -
Евреи не хотят царя.
Кричат, что царь у них один.
Над ними кесарь господин.
А кто царя им предлагает,
Тот против Рима выступает.
Пилат безумно испугался.
Он в затрудненьи оказался,
Не без причины полагая,
Что могут быть соглядатаи,

Среди свирепой этой стаи,
И если в Рим кто донесёт,
Ничто Пилата не спасёт.
И, поняв это, он остыл,
Умерил свой судейский пыл.
Воды доставить приказал,
И злоохотникам сказал,
Что за Христом вины не знает,
За тем и руки умывает,
Что в казни Праведника сей
Не видит он вины своей.
Толпа тут радостно взревела –
Предательства свершилось дело,
И наступил злорадства час –
Вскричали: «Кровь Его на нас».
И, продолжая клятву падших,
Взопили: «И на детях наших!».
Так бастион последний пал.
Душа Пилатова пуста.
Крест изготовить приказал.
Велел на нём распять Христа.

Среди собравшихся людей
Туда-сюда сновал злодей.
За всем с волнением наблюдал,
И всё сильнее унывал.

Иуда – Господа предатель,
И о сокровищах мечтатель.
Он стал Христа учеником,
Предполагая, что потом,
Когда Иисус взойдёт царём,
А он останется при Нём,
Его исполнятся мечты
И минет время бедноты.
И был Иуда убеждён,
Что будет щедро награждён.
Чередовались дни за днями.
Дни становились месяцами,
Недели, месяца годами,
И он всё больше убеждался,
Что в ожиданьях ошибался.
Всегда был рядом со Христом,
Но Тот не думал быть царём.
Иуду это огорчало,
И без сомненья означало,
Что ученик Христа Иуда
Рискует не дождаться чуда.
Рискует, будучи при Нём,
Так и остаться бедняком.
Что делать? Как же дальше быть?
Решил Иуда изменить.
Задумал он Христа предать,

И попросту Его продать.
К первосвященникам пришёл,
И там своих друзей нашёл.
Иуду в храме приютили,
И за измену заплатили.
Теперь как тень везде ходил,
За муками Христа следил,
И с нездоровым наслаждением
Смотрел на Бога избиенье,
Ругательства и поношенье.
Вдруг что-то с ним произошло.
Затмение алчностью прошло,
И до сознания дошло,
Какое зло он сотворил.
О! Кто такому был бы рад,
Когда в него вселился ад?
А деньги, что он получил,
И думал прикупить земли,
И до сих пор с собой носил,
Огнём Иуды душу жгли.
Он бросился назад к «друзьям»,
Проникнул незаметно в храм,
Пытался серебро вернуть,
Но не сумел их обмануть.
Хотел услышать оправданье?
Напрасно было ожиданье!

В жестокосердии своём
Они не думали о нём.
Какой сейчас от денег прок?
На землю бросил кошелёк,
И бросился оттуда прочь.
Никто не мог ему помочь!
Предателю и состраданье?
Его не сбудется желанье!
Ему уже не страшен ад.
Скорее аду был бы рад,
Чем мучиться в воспоминаньи
О совершённом злодеянии.
Такого зла с начала лет
Ещё не видел белый свет.
И не имея больше сил,
Злодей повеситься решил.
Иуда дерево нашёл,
Затем вскарабкался на ствол...
Под тяжким весом сук сломался.
Иуда наземь распластался.
Предателя разверзлось чрево,
Когда не выдержало древо.
Так с этим миром он расстался.

Приказ Пилата не забыли.
Солдаты крест соорудили

И на Христа его взвалили,
Как будто Он какой колосс,
Чтобы до места казни нёс.
Миссия телом измождённый,
Униженный и оскорблённый,
Все издевательства сносил.
Он молча всё претерпевал,
Не возмущался, не роптал,
Но не имел телесных сил,
Чтоб до Голгофы крест нести,
Там человечество спасти.
Он от усталости качался,
И вскоре с силами расстался.
Он по дороге так устал,
Что наземь под крестом упал.
Тут с поля проходил крестьянин,
Еврей Симон Киринаянин.
Того о помощи спросили.
На его плечи крест взвалили.
Он крест натужено понёс.
Понёс по *Via de la Rose*.

Иисуса с самого начала
Толпа людей сопровождала.
Среди идущих женщин много.
Иные плакали в дороге,

Не понимая ничего,
Жалели искренне Его.
А Он в ответ увещевал,
И изумлённым предлагал
Поплакать о самих себе!
Об их безрадостной судьбе!
О страшной участи евреев,
И всех потомков иудеев.
Они советам не внимали,
И главного не понимали -
Та кровь, что ляжет на сынов,
На протяжении веков
Будет к отмщению взывать,
И будут их сыны страдать.
Две тысячи уж скоро лет
Евреи терпят уйму бед.
В чём каяться, они не знают.
Что сделали, не понимают,
И до сих пор, хоть слёзы льют,
Своей вины не признают.

Итак, на Via de la Rose
Смешение из женских слёз
И постоянных издевательств
Христа весь путь сопровождало.
Гнуснейшее из предательств

Неумолимо шло к финалу.
С Христом судьбою неделим,
Вокруг шумел Иерусалим.
Толпой бурлящей люди шли,
И два креста ещё несли.
На них разбойных дел сыны
С Христом распяты быть должны.
А рядом с Ним, но чуть вдали,
Двоих преступников вели,
Судом ромейским осуждённых,
К распятию приговорённых.

Дошли до места, наконец.
Кресты на землю положили.
И казни наступил венец –
Христа на древе пригвоздили!
В момент безумного страданья
Услышал палачей отряд
Христа ко Господу стенанье
Простить за это поруганье –
Не ведают бо, что творят.
Крест, на котором был Иисус,
Посередине водрузили.
К тому в добавок, в головах
На древе краской начертили
На трёх известных зыках,

Чтоб все вокруг об этом знали,
На греческом, латыни, арамейском,
О том, что Он – Царь Иудейский.

Порою случаи бывали,
Преступников с креста снимали.
И чтоб предупредить пропажу,
Ромеи выставили стражу,
Которая сидит и ждёт,
Пока Распятый не умрёт.
Одежду, что с Иисуса сняли,
Всю этим воинам отдали.
Плащ Иисуса разодрали,
Хитон кому отдать, не знали
И жребий потому кидали.
И только так определили,
И меж собою поделили.
И не было им никакого дела,
Что на Кресте страдает Тело
Сего Божественного Сына,
Всей жизни этой Господина.
Они сидели, пили, ели,
И знать об этом не хотели.
А те, кто Господа предали,
И на распятии настояли
Оправдывались тут и там:

«Пускай Себя спасает Сам!
И если Он и есть Сын Божий,
То Сам Себе пускай поможет!» -
Над Иисусом издевались,
Унизить побольней старались.
А Он божественно молчал,
И ничего не отвечал.
Иисуса кроткое молчанье
В душе родило состраданье
У неприкрытого злодея,
Разбойника и лиходея,
Распятого рядом с Ним.
Внезапной жалостью томим,
С надеждой Бога умоляет,
Чтоб Иисус его, злодея,
Разбойника и лиходея,
Упомянул тогда, как Тот
Во Царствие Своё придёт.
Разбойника услышав глас,
Христос откликнулся тотчас,
Соседу Истину сказал,
И, завершая речь свою,
Разбойнику пообещал,
Что будет нынче же в раю.

Там у креста, но в отдаленьи,

Невольно глядя на мученья,
Его соратники стояли,
И вместе с Ним душой страдали.
Они приблизиться боялись
Из-за неистовых врагов,
Их бранных и позорных слов,
А потому вдали остались,
Но шаг за шагом приближались,
И вот уж рядом оказались.
Враги же мести напились,
И понемногу разошлись.
В безмерной грусти и печали
Поникши, женщины стояли.
А рядом к Матери приник
Его любимый ученик.
Мария, кроткая на диво,
Была настолько сиротлива,
Сама страдая у креста,
Что сердце дрогнуло Христа.
Собравшись из последних сил,
Он Иоанну поручил
Всё попечение о Ней,
Несчастной Матери Своей.
Её избавить от страданья
Христа мучений созерцанья
Апостол верный нужным счёл,

И Матерь Божию увёл.

Был полдень. Спряталось светило,
И вражью злобу остудило.

Предельно мрачен небосвод.

Должно быть всё наоборот.

Обычно в это время года

Стоит прекрасная погода.

Исполнилось врагов желанье!

То было предзнаменованье,

Что так хотели фарисеи,

Жестоковыйные евреи.

Земля дрожала, сотрясалась.

Тьма по земле распространялась.

В злорадных недругов глазах

Родился непреложный страх.

Но что их страхи по сравнению

С Иисуса ощущеньем,

Когда Он всех людей любя,

Взвалил грех мира на Себя?

С тех скорбных лет дошло до нас,

Что Иисус в девятый час

В отчаянии восклицал:

«Или, лама савахвани!»

«Илью к Себе Он призывал,», -

Христа не поняли они,

А Иисус к Отцу взывал.
Его Он помощи алкал.
И прямо Бога вопрошал,
Отца, Которого Он славил,
Неужто Тот Его оставил.
Но вот приходит, наконец,
Его страданиям венец.
Собрался из последних сил
И пред исходом возопил.
Свой Дух Отцу передавая,
И Путь Страданий завершая,
Сказал последнее: «Свершилось!»
И голова на грудь склонилась.
Но убедиться надо было,
Что смерть Иисуса посетила,
И воин некий из охраны
Ему в ребро наносит рану.
Иисуса медным бьёт копьём.
В ожесточении своём.
И истекла из раны той
Кровь, растворённая водой.
Всех ужас охватил немалый.
Гранитные расселись скалы.
Земля под ними потрясалась.
Завеса вдруг разодралась
Из благородного виссона

В священном храме Соломона.
Отверзлись древние гробы,
И смерти бывшие рабы
Наперекор её природе
Все оказались на свободе.
А сотник, стоя пред крестом,
Вдруг стал глашатаем о том,
Что Сей и вправду Божий Сын,
И этот факт неоспорим.

Карателей свершилось дело,
А хоронить умерших тело
Евреи-сродники должны,
Отцы, собратья иль сыны.
Иосиф тут Аримафейский
Почтенный гражданин еврейский,
Иисуса тайный почитатель,
И Бога истинный искатель,
Сумел Пилата упросить,
Чтоб дал Христа похоронить.
Трудился в этом вместе с ним
Христа поклонник – Никодим.
Призвав на помощь верных слуг,
Они к распятию идут,
И с деревянного креста
Снимают мёртвого Христа.

Маслами тело умащают,
И в плащаницу пеленают.
Затем они Его берут
И в близлежащий сад несут.
Там в твердокаменной скале
Иосиф высек гроб себе.
Туда Христа и положили,
А после валуном огромным
Для этого приготвлённым,
В пещеру доступ завалили.
Тем временем синедрион,
О странной смерти извещён,
Не глядя на закон субботы,
Когда запрещено работать,
Судей собранье собирает,
И на собрании решает
Свою приставить к гробу стражу,
Чтоб не было какой пропажи -
Того ещё не доставало,
Чтоб тело брренное пропало!
Представьте, что Иисус исчез.
Все люди скажут: «Он Воскрес!
Он сделал то, что обещал!».
Полнейший ждёт тогда провал
Всей ужасающей затеи,
Что претворили в жизнь евреи.

И гроб решили охранять.
На камень наложить печать,
Чтоб преступить его порог
Никто и никогда не смог.
Прилежно стража охраняла.
Людей ко гробу не пускала,
И улеглась её тревога –
Никто не думал камень трогать.
Две ночи стража охраняла.
Земля вдруг утром задрожала
И тут, как Господа зефиры,
Из бесконечного эфира
Спустились юноши, блистая!
Охранников не замечая.
Один, не напрягая сил,
Печать злодеев удалил,
Скалу от входа отвалил.
Пред стражей Чудо происходит!
Христос в сиянии выходит!
Послы Иисуса окружают,
И вместе в небо воспаряют!

От страха чуть освободившись,
И в происшедшем убедившись,
Бежит испуганная стража
Вождам поведать о пропаже.

Чтобы глупцами не прослыть,
Старейшины решили скрыть
Весть о чудесном Воскресеньи,
Христа победном Вознесеньи.
Охране деньги заплатили,
Чтоб правду навсегда забыли,
И никогда не говорили,
Чему свидетелями были.

Проплакав об Иисусе ночь,
Отбросив все сомненья прочь,
Его благие ученицы
С Учителем хотят проститься.
Пока ещё все мирно спят,
Они попасть к Христу хотят,
Чтоб тело миром умастить
Пред тем, как в землю опустить.
Жены идут, не понимают,
Между собою рассуждают,
Как им придётся поступить,
Чтоб камень гробный отвалить.
И вот они туда приходят,
И камень отвален находят.
Для них открытый вход в пещеру,
Как для любого маловера,
Имеет лишь одно значенье –

Не радостное Воскресенье,
А злое тела похищенье.
К пещере с трепетом подходят,
А из пещеры свет исходит,
И юноши молодые, тут как тут,
Пред женщинами предстают.
Одежды белизной блистают.
Что здесь они найти желают,
Жён-мироносиц вопрошает
Посланник. Им помочь готов:
«Живого среди мертвецов?
Воскрес Он! Ну, чего боитесь?
Войдите, сами убедитесь!»
Но женщины в оцепененьи
Стоят пред ним в недоуменьи.
«Ступайте, говорю я вам!
Скажите всё ученикам!».
Услышав это повеленье,
Они в огромном возбуждены
Тотчас же бросились бежать,
Ученикам всё рассказать.
Но, прибежав, из-за волненья,
И, находясь под впечатленьем,
Как водится, перебывая,
И правду с вымыслом мешая,
Ученикам всё рассказали,

Что видели, и что узнали.
Как ангелов там повстречали,
И как от вестников узнали
Об Иисуса Воскресеньи,
Его чудесном Вознесеньи.

Но большинство учеников
Не верили в правдивость слов
Об ангелах и Воскресеньи.
Закралось в их умах сомненье
И Пётр совместно с Иоанном
Противоборствуя обману,
Ко гробу бросились бежать,
Чтобы на месте всё узнать.
В пещеру первым Пётр заходит,
Но никого там не находит.
На камне, где Он возлежал,
Пустые пелена лежат,
А в стороне от покрывал,
Особо перевитый плат.
Вслед Иоанн в пещеру входит.
Он то же самое находит.
И все развеялись сомненья,
Увидя это подтвержденье.
Случилось чудо из чудес,
Христос, как обещал, Воскрес.

Меж тем Мария Магдалина,
Нашла в самой себе причину
Не верить собственным глазам.
Что всё-таки случилось там,
Решила вновь перепроверить,
Чтоб окончательно поверить.
Пошла, ещё раз убедилась,
Но всё ж с сомнением не простилась.
У гроба плакала стояла
И ничего не понимала.
Вдруг видит ангелов небесных,
Двух юношей собой прелестных,
У гроба Господа стоящих,
И с удивлением смотрящих.
Вопрос к Марии обращают,
Что ищет здесь, не понимают.
В ответ Мария Магдалина:
«Забрали тело Господина.
К кому не знаю обратиться.
Хочу я Господом проститься.» -
Мария ангелам в ответ.
Немил ей этот белый свет.
Её вдруг кто-то окликает,
Мария, звавшего, не знает.
«Садовник,» – думает она,
Недоумения полна.

Ему вопрос свой задаёт,
Учителя не узнаёт.
И лишь когда заговорил,
Тем голосом, когда учил,
С души упала пелена,
Узнала Господа она.
Не веруя своим ушам,
К Его бросается ногам,
Чтобы Учителя почтить,
Слезами радости омыть.
Христос её предвосхитил,
И прикосаться запретил.
Не перешёл Он до конца
В обитель Горнего Отца.
«Послушай, что тебе скажу,
К Отцу и Богу восхожу!
Ждёт восхождение впереди!
Скажи ученикам пойдите!»
Мария бросилась тотчас
Иисуса исполнять наказ.
С того начала без конца
Трепещут радостно сердца
По всей Земле и до небес:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Христос воистину Воскрес!»

Не стоит сравнивать себя
С героем горячо любимым.
Ваше Божественное Я
Ни с кем на свете не сравнимо.

Воистину одни невежды,
Питают ложные надежды,
И могут думать, что одежда
Их лучше сделает, чем прежде.
Души порочные изъяны
Не излечить самообманом.
Хороший ты или плохой -
Поверь, не спрятать под парчой.

Как незаконченная песня
Вдруг оборвётся жизнь моя

20.12.2020

Осень пришла. Сразу начала плакать.
Сбросила зелени яркий наряд.
Серость вокруг и промозглая слякоть.
Вспыхнул, но быстро прошёл листопад.
Что-то в ней всё-таки есть одинокое.
Что? Я не знаю. Пытаюсь понять.
Будто бы дева пришла волоокая,

И на глазах начала увядать.
И в увяданьи призывно потянется,
Будто желая мне что-то сказать.
Взгляд на меня – это всё, что останется.
Взгляд, о котором я буду мечтать.
Сердце моё на секунду проснётся,
Но, возбуждвшись, начнёт остывать.
Знаю, как встреча во мне отзовется.
Будет куда-то в далёкое звать.
Мне ни к чему это тяжкое бремя.
Было бы лучше её не встречать.
Знаю одно, что всему своё время
Время родиться и умирать.
Выйду искать я мечту волоокою.
Брошу налево рассеянный взгляд.
Улица вьётся слегка кривобокая
И фонарей полупьяный парад.
Серо унылые домостроения
У тротуаров угрюмо стоят.
Да и откуда здесь быть настроению
Без волооких игривых девчат?
И вместо праздника, танцев и пения,
Вместо восторга и нервов кипения
Мокнут, несчастные, сутки подряд.
Серость вокруг и промозглая слякоть.
Осень пришла. Сразу начала плакать.

Мне бы жить у края суши,
Чтобы мог я море слушать,
Постараюсь научиться
Как Христу надо молиться.

11.12.2020

Издалеко глядят печально
Давно ушедшие века.
О Том, Кто правит изначально,
Мне не дано познать пока.
О Нём одно я знаю точно,
Что это Он, Владелец сил,
Своей рукою беспорочной
Мне каплю жизни подарил.
Она казалась синим морем,
Что переплыть не хватит сил,
А оказалась просто горем,
Что я из капли сотворил.
И там всегда бушуют волны,
И дуют сильные ветра,
О, Боже мой! С меня довольно,
И мне на исповедь пора!
За откровенные признанья
Он может быть меня простит,
И за сердечность покаянья

Своей любовью отомстит.

09.01.2021

Снега, снега, снега, снега.

То тишь, как в морге, то пурга.

Снегами землю занесло,

И всё вокруг белым-бело.

Мороз колючими руками

Зашторил небо облаками,

И жизни хочет приказать,

Что всем на свете надо спать.

Он – царь! И он сейчас царит,

Пока светило мирно спит.

Ему, как видно, очень нравится

Природа – спящая красавица.

18.01.2021

Дни, словно очереди автоматные

Пулями в цели летят непонятные.

Мало патронов среди низ боевых,

Больше бесцельных, пустых, холостых.

Жизни кому-то порой не хватает

Чтобы понять, почему он страдает.

Не понимает, к чему он стремится.

Может разумнее остановиться,

С приоритетами определиться,

И только после продолжить движение
В правильном для тебя направлении?
Трудную выберешь может дорогу
Через ошибки, невзгоды, но к Богу?
Или полегче себе изберёшь,
И для Небес навсегда пропадёшь?
Душит людей суета незаметная,
Серая, тусклая и беспредметная.
Так разбазаришь, что сверху дано,
И не заметишь, как вот оно – дно.
Вроде бы только нажал на курок,
Глядь, а уже опустел твой рожок.

Одиночество

12.01.2021

– Скажи, наконец, твоё имя и отчество!
– Давай по-простецки! Зови Одиночеством!
Чего уж мы будем с тобою рядиться,
Коль нам предстоит навсегда породниться?
И грозного вида не стоит пугаться,
А надо привыкнуть ко мне постараться.
И знаешь, коль стану твоей половиной,
То больше тебя никогда не покину.
Представь, что придётся тебе заскучать.
Я вовсе не стану тебе докучать.
Я буду, как сон, ежедневной отрадой,

Твоим утешеньем, твоею наградой.
Я буду надёжно тебя защищать
От разных всех тех, кто горазд обещать.
От тех, кто на помощь в беде не придут.
Ты будешь их ждать, а они предадут.
А если наступят минуты страданий,
Зачем тебе лепет чужих оправданий?
Поверь! Я тебя никогда не предам,
И, если решишь, никому не отдам.
Уж коль суждено было нам повстречаться,
Зачем же с тобою теперь расставаться?
Не бойся людей, что встречаются вдруг -
Ни мнимых друзей, ни случайных подруг,
Их сладких речей и пьянящих улыбок,
Родителей глупых и горьких ошибок,
Снующих вокруг, за собою маня.
Запомни одно, что они – это «Я»!
Но всякое может на свете случиться.
Быть может придётся на время проститься.
Но только на время! Не стоит страдать.
Я буду тебя с нетерпением ждать!
И может поймёшь, почему Одиночество
Одновременно и имя, и отчество!

14.01.2021

Пенным туманом рождается чувство.

То ли пророчество...
То ли искусство...
Поголосит и уйдёт безвозвратно
Сгинет обратно,
Куда не понятно.
Иль попрощается алым закатом.
Бывшим когда-то...
Уплывшим куда-то...
Словом каким-нибудь бесполезным.
То ли железным...
То ли облезлым...
Ну, а в остатке – недоумение
То ль озарение....
То ли сомнение....
Что означает сия благодать -
Мыслей безликих тревожная рать?
Что она может душе моей дать
Или, напротив, оттуда забрать?
Может уснувшее что-то разбудит?
Может хорошее что-то погубит?
Что в самом деле со мной происходит?
Что-то уходит?
Иль что-то приходит?
Так вот живёшь,
И не понимаешь,
Что обретёшь

Или что потеряешь.

Право, не знаю.

Ну, что здесь гадать?

Я ж понимаю,

Что лучше отдать.

Только ведь главное в том, чтоб понять,

Что и кому, и когда отдавать.

Нет! Лучше духом мятежным смирюсь.

Господу Богу пойду помолюсь.

Знаю ведь точно, что лучший совет

Надо искать там, где Истины Свет.

Но почему-то порой забываю,

И от того очень сильно страдаю.

Гроза

14.01.2021

Еле колышится знойное марево.

Будто бульона куриного варево.

Муха порой прожужжит оголтелая,

От солнцепёка совсем очумелая.

Замерло всё, и трава не шевелится.

Замерло... будто бы жить не осмелится.

В этом почти безвоздушном кипении

К пеклу незримому в полном презрении

Облачко белое вдруг показалось.

Точкой белесой вдали задержалось.

На горизонте недвижимо встало
И угрожающе зарокотало,
Заговорило, забормотало.
Что-то, быть может, плохое узнало.
Что-то такое уж очень обидное,
Несправедливое или постыдное,
И потому стало бурно меняться,
Шириться и разрастаться,
По небосводу распространяться.
Не понимая на ком отыграться,
Начало ликом темнеть и чернеть.
Словно не в силах такое стерпеть
В ярости молнии стало метать,
Громом на всё и на всех грохотать,
Но очень быстро сердиться устало,
И как ребёнок навзрыд зарыдало.
Тысячи тысяч живительных слёз
На землю сухую за миг пролилось.
Но неожиданно мир изменился,
Дождь ослабел и совсем прекратился.
Облако спешно на небо поднялось,
И восвояси куда-то умчалось.
С неба последняя пала слеза.
Вот и конец! До свиданья гроза!

17.01.2021

В темноте каждый день за околицей
У дороги степной долго молится
Мать-старушка в глубоком молчании.
Без надрыва, без слёз, без отчаянья.
Бога просит в глубоком смирении.
Молит Господа об одолжении
Объяснить в чём она виновата.
Грех какой совершила когда-то?
По какой неизвестной причине
Отчий дом стал её домовиной?
Мать-старушка – засохшее деревце.
Непонятно, как жизнь в теле теплится.
С Богом болью душевною делится,
А просить о другом не осмелится.
И, прощаясь с пустою дорогой,
Словно тенью бредёт босоногой.
А когда в дом пустой возвращается
С той же мыслью к Нему обращается.
Не поймёт в чём же всё же причина.
Еле теплится в теле лучина.
Но в ответ, как обычно, молчание
Продолжает старушки страдание.
На столе тихо руки сложив,
Прошептала: «Хоть жив ли, скажи!»
Будто свежего ветра порыв,
Донеслось долгожданное: «Жив!».

«Жив, и ладно», – вздыхает она,
Бесконечно терпенья полна.
Видно, участь у всех матерей
Ждать смиренно ушедших детей.
А дождутся они или нет,
Только Бог знает этот ответ.

20.01.2021

Друг – не чин, не просто званье,
А, скорей всего, призванье.
И всю жизнь моё сознание
Мысль снедает, как недуг.
Не нашёлся верный друг.
Где-то тенью затерялся.
Я его найти старался.
Жаль, но поиск не удался.
Знаешь, мне совсем неважно,
Кем он в этой жизни стал -
Бедняком иль кем-то важным,
Всё равно его искал.
И в раздумьи безотрадном
Совершенно точно знал –
Никогда бы не упал,
Если б только он был рядом.
Против всех привычных правил
Он меня бы не оставил

И плечо своё подставил,
И на верный путь наставил,
От ошибок оградил,
Если б только рядом был.
Может не туда я шёл,
Потому и не нашёл?
Но я думаю порою -
Может мне не стоит ныть,
И я сам того не стою,
Чтоб кому-то другом быть?
Может жизнь не так прожил,
Другом быть не заслужил?
